

Ирина Ячменникова

Бессветные

18+

Бессветные

Ирина Ячменникова

Бессветные 4

«Автор»

2026

Ячменникова И.

Бессветные 4 / И. Ячменникова — «Автор»,
2026 — (Бессветные)

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ Мэтис видит чужие воспоминания и использует свой дар, чтобы докопаться до истины. Разгадав тайну серийного убийцы по прозвищу "безликий демон", он пытается выжить, помочь друзьям и вернуться к нормальной жизни. Фор - телепат в мире, где таких, как он, убивают. Теперь, когда его тайна раскрыта, он должен исчезнуть, но не может бежать, оставив в беде дорогих ему людей. В Пегом Доле больше не безопасно: враги повсюду и жаждут крови. Псионик Гейб видит лишь один способ всех спасти, но насилие порождает только насилие. Алан Фокс не верит в справедливость, но знает: рано или поздно за всё придётся платить. Финальная часть цикла "Бессветные".

© Ячменникова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 75. Превратности	5
Глава 76. Бумеранг	13
Глава 77. Бремя живых	19
Глава 78. Маятник	21
Глава 79. Враг по соседству	26
Глава 80. Навязчивые мысли	33
Глава 81. Чему верить?	38
Глава 82. Моменты	42
Глава 83. Порочный круг	45
Глава 84. Искать виноватых	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ирина Ячменникова

Бессветные 4

Глава 75. Превратности

Его везли в багажнике, прямо как в старые недобрые времена. На этот раз обошлось без транквилизаторов, и Алану нечем было погасить свою ярость, как и найти ей выход в этом тесном, пропахшем бензином пространстве. Он истекал кровью, но недостаточно быстро, чтобы умереть. Правая рука онемела, плечо ныло, отзываясь тупой болью, а сознание то проваливалось в вязкую темноту, то выныривало — и всякий раз натыкалось на реальность, которая ему осточертела.

Лежать и ждать, пока его затащат в подвал, Алан не собирался. Он стучал куда-то в стенку и крышку багажника — наугад, здоровой рукой и ногами, стучал снова и снова, стоило ненадолго прийти в себя. Бесполезно. Звук ударов глох в этой железной могиле. Лучше побережь силы. Для чего? Плана не было. Всё катилось к чертям.

Машина ехала долго — бесконечно долго, с остановками. Каждый раз, когда она замирала, Алан подбирался, готовый встречать своих тюремщиков, но колёса снова начинали крутиться. Это была изощрённая пытка: движение убаюкивало, погружая в липкое забытье, остановка вышвыривала обратно в реальность, полную боли и ненависти. К тому моменту, когда машина остановилась окончательно, разум уже не знал, во что ему верить. Щелчок багажника пролил свет.

Двое схватили его под мышки и выволокли наружу. Он ударился коленями об асфальт, чей-то ботинок вонзился ему в рёбра, чужие руки потянули его вверх и потащили к знакомой пристройке, за которой начинался спуск в преисподнюю. Алан пытался вырваться, но его просто втолкнули в дверь, и мир перевернулся. Он покатился вниз, ушибая о ступени спину, бока, затылок, и остановился только на площадке. Там его, теперь уже почти безвольного, снова подхватили и понесли туда, откуда не возвращаются.

Подвал изменился. Зеркала не было — только голая бетонная стена. Цепи убраны, лишь одна осталась намотанной вокруг решётки в углу. Стол с инструментами сдвинули в другой угол, зато стул теперь стоял ровно посередине, и на нём с видом пещерного тролля дожидался хозяин, Хардли Краст собственной персоной. Он сидел, уперев локти в колени, и поигрывал увесистым молотком, постукивая бойком по ладони. От яркого света тень под ним казалась практически чёрной, но ещё мрачнее был взгляд — тяжёлый, голодный, лютый. Левую бровь рассекал порез, уже покрывшийся коркой. Этот шрам останется с ним надолго, как память.

Пленника швырнули на пол. Следом хлопнула дверь — и внутри никого не осталось: всем было тошно от этого места. Алан приподнялся на локтях, подтянул колени к груди, но правая рука слушалась с трудом, и он завалился на бок. Однако ему хватило злости и упрямства, чтобы сесть. Взгляд тут же метнулся к столу — слишком далеко, не добраться, не добыть оружие для защиты... нет, для убийства.

Хозяин подвала неторопливо поднялся, заслоняя свет своей массивной фигурой, и шагнул к пленнику. Алан попытался ударить его ногой. Краст ушёл от удара с неожиданной ловкостью и тут же ответил — не молотком, а волной боли, ударившей откуда-то изнутри. Органика — так это называл Филипп. Сокращение тканей, молниеносный спазм, способный убить. Но Краст не спешил убивать. Алан выгнулся дугой, точно одержимый, потом его распластало по полу, выкручивая каждый сустав. Тело больше не слушалось, не удавалось пошевелить даже

пальцем. Оставалось только лежать лицом вверх и чувствовать, как стонут кости, готовые переломиться.

Краст давно утратил вкус к пыткам органикой: они приелись, как старая шутка, но как инструмент контроля этот дар работал безупречно. Сейчас бритоголовый использовал его в качестве анестезии, только неправильной: тело парализовало, но боль никуда не делась. Нависнув над пленником, Краст надавил коленом ему на грудь и похлопал по щеке свободной ладонью. Алан не мог ни отвернуться, ни плюнуть — челюсть свело судорогой так, что зубы, казалось, вот-вот раскрошатся друг о друга, и из губ просочится кровавая пена.

— Ни на кого не работаешь? — Голос мучителя был холоден и спокоен — так не издеваются, так ставят диагноз.

Взгляд Краста скользнул по простреленному плечу: пуля прошла навывлет, чудом не задев артерию. Он ткнул в рану двумя пальцами. Алан не мог даже закричать, лишь хрипел, сотрясаясь от бессильной ярости. Но мучителю было всё равно: он уже смотрел сквозь боль, будто её не существовало. Им двигал не гнев, а чистый, почти научный интерес. Как этот ублюдок снова встал на ноги после прошлого раза? Несколько секунд — и Краст понял: его регенерация работает не так, как у нормальных людей.

Спрашивать бритоголовый не стал: бесполезно. Взглянул на часы, запомнил положение стрелок, занёс молоток. Ударил. И снова. На втором разе свет погас.

***

По иронии судьбы рождение всегда проходит в боли и ужасе, а смерть спокойна и безмятежна. Алан не знал, куда отнести своё невозможное воскрешение: сознание возвращалось уже в исцелённое тело, и пережитые муки казались дурным сном. Но пробуждение всякий раз начиналось с тошноты и головокружения, а первый вдох вырывался наружу страдальческим стоном, и только потом являлись мысли, чтобы оценить масштаб катастрофы.

Морщась от дурноты, Алан разомкнул веки. Плитка на полу, водосток... хотя нет, тут правильнее сказать «кровосток». Стол с инструментами — настоящий арсенал инквизитора. А вот и он сам, сидит на единственном стуле, смотрит на часы и чему-то ухмыляется. Нашёл повод для радости? Шанс убивать его снова и снова, сколько заблагорассудится? Алан мысленно сплюнул: «блага» тут ни при чём, «сколько вздумается» — так вернее. Да и не радость это была, а застывшая маска чудовища, осознавшего свою власть и вседозволенность.

Внутри всё сжалось от жуткого сходства. Тед тоже подавлял, правда, только волю, а не тело. На миг захотелось уползти, забиться в угол, спрятаться от этого порождения кошмаров. От такого не спастись ни смертью, ни безумием. Алан опомнился, когда уже пятился к стене — как побеждённый, как жертва. Но перед ним был не Тед, не тот, кого он когда-то позволил себе бояться.

Краст улыбнулся, его позабавила такая реакция. Ему нравилось наблюдать, как личный враг в ужасе отползает, оставляя за собой кровавый след.

Эта мысль пробудила в Алане ярость. Ран больше нет, власть над телом вернулась, ненависть толкала его в бой. Он вскочил и бросился к столу, намереваясь схватить что угодно, чем можно убить, но не успел сделать и трёх шагов, как рухнул на пол в новом припадке. Суставы выворачивало, связки рвались, мышцы пронзали тысячи невидимых игл.

— Теперь я знаю, в чём твой секрет. — Краст смотрел на корчащееся тело с холодным любопытством. — И вряд ли мне это надоест.

Ботинок ударил по рёбрам, потом в живот, потом наступил на кисть и с силой вдавил её в пол. Много лет назад Алан не мог сопротивляться пыткам, теряя волю вместе с рассудком, теперь же разум работал ясно, но тело не слушалось. Органика делала его абсолютно беспомощным, будто её хозяин стремился доказать своё превосходство даже над Тедом.

На очередном ударе в дверь постучали.

— Я занят! — рявкнул Краст.

Он приказал не беспокоить, но дверь всё же приоткрылась. В щель протиснулся мужчина и залепетал, сглатывая слова:

— Простите... Но прошло уже много времени. Ллойд сказал, срочно. Он звонил, но вы же здесь, без связи...

— Закончу — перезвоню.

— Он уже здесь. Ждёт в кабинете. Просит всего пару минут.

Краст с трудом сдержался, чтобы не врезать подчинённому. Вместо этого он рванул пленника за волосы и поволок к решётке. Алан только начал приходить в себя, как тело выгнуло новой судорогой. За спиной щёлкнули наручники, и тут же цепь лязгнула о карабин. Как только к Алану вернулась способность пошевелиться, он обнаружил себя пристёгнутым к стене.

Хозяин подвала вышел, оставив его одного. Лампы продолжали гореть, давая понять: мучитель скоро вернётся.

Алан сплюнул кровь и дёрнул запястьями — наручники сковали их намертво. Он сидел на полу в углу напротив стола и не мог дотянуться до ножей и пассатижей. Между ним и инструментами — пол, залепленный кровью. Его кровью. Вон та большая лужа, судя по всему, вытекла из головы.

Оставалось только смотреть на следы прошлого и рисовать в воображении будущее. Быстрой смерти не будет. Будут сотни долгих, кошмарных смертей. Другой бы свихнулся от такого, но Алан не позволил себе раствориться в панике. Горький опыт — хороший учитель. В кромешной тьме его спасало подсознание, но пока ещё только сгущались сумерки. Самое время сохранить рассудок. Сила мысли — лучшее оружие.

Много не нужно, один шанс. Подловить мучителя на неосторожности, подобраться вплотную, убить раз и навсегда. Все ошибаются, просто не у всех есть сотня жизней.

Время тянулось, мышцы ныли, терпение мечтало лопнуть, но Алан его умирал. Он сидел, привалившись к стене, и ждал. Когда из коридора донеслись звуки, он даже не шелохнулся — поникший, обессиленный, но готовый в любую секунду стать опасным.

В комнату пыток вошли двое: первый — парень в цветастой рубашке, усеянной кактусами в сомбреро, второй — амбал из охраны, с физиономией человека, которому всё давно надоело.

— Ни хрена себе! — выдохнул молодой, окидывая взглядом стол с инструментами. Заметив кровь на полу, он брезгливо отшатнулся. — Ты ваще в курсе об этом?

Охранник посмотрел на него с усталой тоской и мотнул головой в сторону коридора.

— Чё?

— Второго занести надо, — буркнул амбал.

Они вышли и через полминуты втащили обратно безвольное тело. Алан узнал его: один из громил, что волок его от машины. Теперь этот громила был либо мёртв, либо в глубокой отключке — во всяком случае, следов драки на нём не виднелось.

— Ох и вляпались мы! — протянул парень, оглядывая обстановку.

— А был выбор? — бесстрастно отозвался напарник.

— Ну так-то был, но это, конечно, жуть!

Парень в кактусах корчил по три рожи в секунду и безостановочно жестикулировал. От каждого движения у него на шее подпрыгивала гильза. Внезапно его взгляд метнулся к пленнику.

— А чё он, того? Или ещё живой?

Алан не поднимал глаз — телепатия и так рисовала ему полную картину, позволяя дальше прикидываться полутрупом.

— Осторожнее. Он телепат и серийный убийца, — предупредил охранник.

— Да знаю я!

Парень старательно обогнул лужу, остановился в метре от Алана и слегка наклонился.

— Эй, есть кто дома?

Он держался на расстоянии, второй замер у двери. Никакой агрессии... пока.

— Я же вижу, что дышишь! — Парень, кажется, даже обиделся. — Кароч, мы пришли с миром. Если будешь паинькой, отвезём тебя к твоему приятелю Оуэлу. Идёт?

Его слова были такими же идиотскими, как и внешность. Спустись сюда сейчас Мэтис и начни нести чушь про призраков, и то было бы более уместно. Алан готовился к худшему, а теперь просто растерялся. Он лишь с сомнением посмотрел на пришедших и продолжил ждать.

— У него тут наручники. — Парень обернулся к напарнику. — Не знаешь, где ключ?

— Откуда мне знать? — монотонно отозвался тот.

— Ты же охранник!

Парень направился к столу, высматривая, чем бы вооружиться. Пистолет торчал у него сзади за поясом. Алан проводил его взглядом. Увы, его руки были скованы — не вырваться, не выхватить.

— Давай быстрее. Берём его вместе с наручниками и уходим, — отчеканил второй. — Жду наверху. — После этих слов он качнулся и упал в театральный обморок — рухнул навзничь, словно впечатлительная барышня в старом кино. Просто взял, вырубился и затих.

Алан уставился на него в недоумении, заподозрив, что он всё-таки тронулся умом.

— Да забей! С ним такое бывает, — отмахнулся парень, даже не обернувшись. — Так, а это чё? О! Щас всё будет, только не буань.

Он сгрёб с подставки огромные клещи и принялся перекусывать цепь. Звенья лопнули. Стоило цепи лязгнуть о пол, Алан рванул в сторону, не собираясь довериться незнакомцам, но парень ждал чего-то подобного. Пистолет мгновенно оказался в его руке.

— Ты давай не выделывайся, да?

Он держал оружие, как отморозок из фильма о нью-йоркской шпане, но за дурацкими понтами чувствовалась уверенность человека, который умеет стрелять.

— Может, тебе и нравятся наручники с плётками, но давай убираться, пока не вернулся сам знаешь кто. Лично я становиться третьим в этих ваших играх не желаю!

Алан фыркнул. Он старался игнорировать и манеру речи «спасателя», и направленный на него пистолет. Развернувшись к двери, он дал понять, что готов подчиниться.

— Вот и шагай!

Оставалось надеяться, что у этого клоуна есть план. Вряд ли его напарник перестрелял всю охрану — особняк кишел бандитами. Или он собрался уморить их хохотом от своего прикида?

И тут в комнату заглянул новый охранник. Он уставился на пленника, перевёл взгляд на «спасателя» и уже собрался было поднимать тревогу, но вдруг замер. Взгляд его остекленел, мысли погасли, уступив место абсолютному безразличию. Он стоял истуканом, пока парень в кактусах не подошёл и не ткнул его дулом в плечо. Охранник качнулся и рухнул к двум другим.

— А тут становится тесно! — ухмыльнулся чёртов менталист.

Алан почувствовал знакомое прикосновение чужой воли. Гипноз? Он закатил глаза: одни псионики и менталисты на его голову, куда ни плюнь!

— Шевели задницей!

Кривясь от злости, Алан вышел в коридор и поднялся по лестнице. На самом верху парень обогнал его, прижал палец к губам и выглянул наружу. Телепатия показала двор его глазами. Несколько вооружённых фигур. Шансов проскочить незаметно — ноль.

— Ждёт он, как же! — проворчал парень и зашептал: — Сосчитай до тридцати и дуй за мной. У ворот «Мерседес». Внутри не садись, лезь в багажник, иначе спалят.

— Опять багажник? — Алан не сдержал раздражения.

— Не нравится — вали обратно!

Аргумент был железный. Алан кивнул.

Парень выскочил из пристройки и прогулочным шагом направился к воротам. По пути он задержался у ближайшего охранника. Взглянув на него, тот похлопал глазами, развернулся и побежал прочь, будто вспомнил о включённом уюте. То же повторилось с остальными: стоило менталисту приблизиться, люди исчезали со двора.

Алан решил не искать смысла. Выждав время, он осторожно выбрался наружу и заспешил к машине. Тело ныло после побоев, засохшая кровь стягивала кожу на щеке. К ней прилипла прядь волос — бесило, что нельзя её отодрать, руки-то скованы. Но всё это было мелочью по сравнению с перспективой остаться в подвале.

Парень уже ждал у багажника, нервно оглядываясь. Поднял дверцу. Алан залез внутрь, пообещав себе: это в последний раз. Темнота опустилась, даря укрытие и иллюзию покоя. Потом донеслись голоса — спор? — но слов было не разобрать. Хлопнули дверцы, заворчал мотор. Машина тронулась, и вместо свободы пришло другое чувство: будто чудовище сомкнуло пасть и тащит добычу во тьму. Алан мотнул головой. Он и сам умел становиться чудовищем — нечего терять контроль. Вот только ни он, ни его подсознание такого обращения не любили.

Минут десять машина ехала без остановок, затем замерла, не глуша мотор. Через несколько секунд крышка багажника распахнулась.

— Вылезай, — скомандовал парень в дурацкой рубашке. — Давай живей!

Алан выбрался на дорогу и, следуя указаниям, полез на заднее сиденье. За рулём сидел другой — высоченный, до неприличия серьёзный. Он хмуро наблюдал за новым пассажиром в зеркало заднего вида. Серые глаза, серая водолазка, серое пальто — парень был полностью монохромным. Для полного счастья ему не хватало только шляпы, чтобы стать нуарным детективом.

Его цветастый напарник плюхнулся рядом с пленником.

«Чип и Дейл», — мрачно усмехнулся Алан.

Впереди сидел ещё один «персонаж». Телепатия позволяла видеть глазами всех собравшихся: болотный пиджак, фиолетовый галстук, смуглое лицо. Кристиан Ллойд не улыбался. Алан почти ничего о нём не знал, но, считывая эмоции вокруг, понял: это суровое выражение нервировало всех.

— Я предлагал тебе убраться из города, — холодно произнёс Ллойд. Он умел скрывать злость, но не от телепата.

— Чем обязан? — потребовал Алан.

— Заткнись, или отправись обратно в багажник.

— Нам кранты! — простонал парень в кактусах. — Краст нас прикончит!

— Едем? — спросил водитель.

Он всё это время смотрел на Ллойда, будто пытался считать его мысли.

— Едем, — разрешил тот.

«Мерседес» рванул с места и помчался, словно удирая от камнепада. Впрочем, погоню исключать не стоило. В салоне царила давящая тишина, и на её фоне Алан давился чужими эмоциями: злостью, волнением, усталостью, угрызениями совести и зловещим предчувствием беды. Из подвала да в новую пытку!

Зачем эти трое выкрали его у подельника? Куда везли? К Филиппу? Всё указывало на это, но яснее не становилось. Старый знакомый потребовал его обратно в обмен на молчание о другом телепате? Слишком любезно с его стороны. Алан никогда не брал взаймы и становиться должником не собирался.

— Где Мэтис Вайерд? — внезапно спросил Ллойд.

— Кажется, ты велел мне заткнуться, — напомнил Алан.

— Просто скажи, где он.

— Я уже сказал твоему приятелю. Вам его не найти.

— Ты его не убил. Ради всего святого, Вивер, подумай башкой и скажи, где ты его держишь!

— Может, сначала объяснишь, что всё это значит? — Алан обвёл взглядом салон.

Он понятия не имел, какие виды у Ллойда на Мэтиса. Похоже, его ручной телепат проболтался. И что теперь? В отличие от Краста Ллойд вряд ли искал мальчишку, чтобы убить, но после такой авантюры им не удастся договориться.

— Мы везём тебя к Оуэлу. Такого ответа тебе достаточно?

Алан промолчал, даже не кивнул.

— Так что с Мэтисом? — повторил свой вопрос Ллойд. Не дождавшись ответа, он сменил тактику. — Послушай, ему не место в твоей компании. Мальчик и так натерпелся. Скажи, где он. Дай увезти его подальше. Это не его война. Ты же понимаешь, наше противостояние ничем хорошим не кончится.

В его словах звучало желание поступить правильно. Алан мотнул головой — не для него, для себя. А Ллойд пусть сначала о себе побеспокоится. К тому же Мэтис слишком много знает. Алан был реалистом. Может, ему заодно свой адрес и место работы назвать?

— Чего ты хочешь? — не сдавался Ллойд. — Мы можем договориться.

— Я не торгуюсь.

Алан ждал проклятий, но «освободитель» даже не споткнулся о неудачу. Просто задумался, отстранённо глядя на дорогу.

— Если с тобой поступили несправедливо, это не значит, что ты вправе ломать жизнь другим, — произнёс он спустя минуту и отстал. Насовсем.

Двадцать минут показались Алану вечностью. Это была самая долгая и тяжёлая поездка в его жизни.

На подземной стоянке исследовательского центра «Мерседес» припарковался рядом с массивным «Хаммером».

Ллойд обернулся к своим.

— Ребята, вы молодцы. Но дальше вам лучше остаться здесь.

— Мы идём с тобой. — Водитель не принимал возражений.

— Вряд ли там хуже, чем в подвале Краста! — попытался сострить парень в кактусах, но тут же скис. — Слышь, мы не маленькие, да?

Ллойд выслушал обоих, вздохнул и кивнул.

— Только держите себя в руках. На сегодня достаточно смертей.

Все трое вышли из машины. К ним тут же присоединился бородатый тип в кожаной куртке. Алан дождался, пока откроют дверцу, выбрался и заковылял следом. Никто его не подгонял, не тащил: всем было на него плевать — даже не оборачивались. Только парень в кактусах озирался, но не следил за пленником, а высматривал врагов. Его рука то и дело поправляла рубашку, пытаясь скрыть пистолет.

Выдался на редкость дерьмовый выходной. Последние годы всё было неплохо, а потом — Мэтис, Филипп, псы Ланд-Кайзера на хвосте. Жизнь потеряла даже проблески адекватности. Эффект бумеранга, мать его!

На втором этаже ждало столпотворение, будто все собрались специально, чтобы добить телепата. Улыбчивая секретарша, блевотный Квин, жуткий Нэйтон, пара смутно знакомых лбов, Филипп в своём неизменном костюме в полоску. А на полу — тихий труп: парень не старше двадцати, в яркой футболке с мультяшными персонажами.

При виде мёртвого сопровождающие Алана окатили его волной эмоций: горе, жалость, потрясение, а следом — отрицание и гнев. Все оттенки человеческой боли.

Ллойд жестом приказал своим замереть и уставился на Филиппа с таким смачным презрением, будто перед ним стоял сам Иуда.

— Где он?

Филипп выдержал паузу, потом кивнул Квину, разрешая привести заложника. После он оглядел Алана с ног до головы и сухо бросил:

— Живой?

Упрёк читался в каждой складке лица, но при посторонних он его не высказал. Алан скривился. Действительно, шляться по городу, когда на тебя объявили охоту — идиотская затея. Не это благодетель имел в виду, советуя сидеть тихо. С другой стороны, если бы люди Филиппа не выследили Алана для «защиты», Краст бы его не нашёл. Выходит, от их заботы больше проблем, чем пользы, и долги растут на ровном месте.

— Цел? — задал более уместный вопрос Филипп.

Алан кивнул. Лицо его было залито кровью, одежда — тоже, так и не скажешь, что почти как новый.

Вернулся Квин, ведя белобрысого парня. Тому сегодня досталось не меньше: он прихрамывал, лицо было разбито, руки по локоть в крови. Телепат сразу заподозрил сотрясение. Ну как заподозрил — ощутил. Он инстинктивно посторонился, но его всё равно опалило чужим адом. Тошнота смешалась с ненавистью, головокружение — со стыдом. Издевательство над чувствительной психикой!

Квин протащил белобрысого через приёмную и швырнул под ноги «спасателям». Ллойд первым бросился его поднимать, но парень оттолкнул его и встал сам, пусть и пошатываясь. Его взгляд скользнул по двум другим — в сером и в кактусах, — замер на мгновение и ушёл в сторону, упёршись в убитого.

Алан быстро пересёк комнату, сбегаая от бури эмоций. Сначала со своими бы демонами разобраться, прежде чем якшаться с чужими. На другой стороне было спокойнее. Если там и водились чувства, то самым сильным из них оказалось раздражение.

— Вот что бывает, когда не держат слово, — произнёс Филипп, нарушая тишину.

— Это так ты себя оправдываешь? — Ллойд в ярости всплеснул руками. — У Хардли погибло семь человек. Семь! Вдвое больше, чем у тебя. Но ты всё равно выследил моих парней, чтобы...

— Я никого не выслеживал, — перебил его Филипп, — они пришли сами. На твоём месте я бы лучше следил за своими детишками. — Он выдержал паузу, давая собеседнику осознать услышанное. — К тому же мне доложили только о моих потерях, а не о ваших. Я решил, что разговор следует вести с тобой, а не с Хардли, ты сам на этом настаивал, так что не перекладывай на меня ответственность за твои собственные ошибки.

Ллойд промолчал. Несколько секунд он сверлил Филиппа взглядом, потом оглянулся на белобрысого парня и бросил своим:

— Идите в машину.

Те замерли.

— Идите. — Голос Ллойда зазвенел сталью. — Руно, останься.

Парни нехотя подчинились.

— Надо забрать его, — тихо произнёс бородатый.

— Конечно же, мы его тут не оставим, — почти шёпотом ответил Ллойд.

— Крис, а ты ничего не забыл? — окликнул его Филипп. — Наша сделка претерпела изменения. Хардли в курсе, что Вивер — мой человек, но пока не догадывается, что его собственного телепата раскрыли. А ты так и не предоставил мне обещанного. В папке я его не нашёл.

— Кстати, об этом... — Теперь уже Ллойд выдержал паузу, заставив всех томиться в ожидании. — Ты просил того, чего у нас никогда не было, как и в архиве СБО. Я узнал об

этом только сегодня, и раз обещал отдать всё в обмен на безопасность моего телепата, ну так подавись. Но даже если ты последний пустослов, это уже не важно. Ты искал результаты исследования Морока, не зная, что они у тебя под носом. Точнее, не они, а он. Результат.

Ллойд ткнул пальцем в сторону Алана.

— И что это значит? — Филипп приподнял бровь.

— А ты возьми пистолет, выстрели Виверу в голову, а потом подожди час-другой, тогда и узнаешь.

После этих слов Ллойд развернулся и направился к бородатому, чтобы вместе унести тело, несколько часов назад бывшее живым.

Глава 76. Бумеранг

Когда дерьмовое утро осталось позади, а день только начал налаживаться, Ллойд объявил во всеуслышание то, о чём не следовало знать никому. Алан мысленно пожелал ему сдохнуть самой мучительной смертью. Оставалось только стоять с видом, будто ничего не случилось, и наблюдать за реакцией Филиппа.

Тот проводил Ллойда задумчивым взглядом, потом перевёл его на Алана. Прочсть старого знакомого по-прежнему не удавалось. Сейчас он как никогда напоминал бесстрастного робота, и от решения этого робота зависело всё. Бежать было некуда, уж точно не в наручниках и с лицом, залитым кровью.

— И?.. — не выдержал Алан.

— Что «и»?! — Филипп изобразил непонимание. — Думаешь, я сдам тебя на опыты, чтобы закончить дело одного сумасшедшего?

— Чёрт тебя знает.

Филипп не ответил, только улыбнулся своей загадочной улыбкой. Он всегда так улыбался, когда не собирался ничего объяснять.

— Квин, найди, чем открыть замок, — бросил он наёмнику и, открыв дверь в кабинет, кивнул Алану: — Заходи. Вид у тебя, конечно, впечатляющий, как раз под стать «безликому демону».

Он знал. И когда только успел? При их последней встрече Филипп даже не слышал про прилесского убийцу, а теперь — с ходу, в лоб.

Алан молча вошёл. Уставший, злой, он доковылял до стула и тяжело сел, чувствуя, как ноет каждая мышца, но ничего не мог с этим поделать, разве что застрелиться.

Филипп неторопливым шагом подошёл к столу и опёрся на него, глядя на телепата сверху вниз.

— Рассказывай, — потребовал он.

Алан поднял на него раздражённый взгляд, но ничего не ответил.

— Кристиан предложил вышибить тебе мозги, — напомнил Филипп и выдержал паузу. — Следовать его совету я не намерен. Не хочешь пояснить, что он имел в виду?

— Это не касается ни его, ни тебя. — Алан отвернулся к окну. Вышло как-то по-детски, но ничего другого не оставалось.

Филипп шагнул ближе, оказавшись почти над ним.

— Но он знает, а я — нет. Это никуда не годится.

Он смотрел всё внимательнее: отметил дырявую ткань на плече — то место, где зацепило пулей, заглянул в лицо, но под коркой высохшей крови нигде не нашёл ран. Тогда он спросил снова:

— Что будет, если выстрелить тебе в голову?

Алан скривился.

— А сам как думаешь? В ней будет огромная дыра!

— Но ты не умрёшь? — не отступал Филипп.

— Умру. — Алан поморщился от боли в рёбрах, помолчал несколько секунд и выдавил: — Ненадолго.

— На сколько?

— Филипп! — Алан дёрнулся, но наручники напомнили о себе. Пришлось отказаться от желания отпихнуть собеседника. — За помощь спасибо, но трепаться об этом я не намерен.

Филипп отступил на шаг, но продолжил давить взглядом.

— Почему же? Если вдруг тебя застрелят, долго ли мне ждать, когда ты снова встанешь в строй? — Это было произнесено голосом рекрутёра, уточняющего детали у соискателя. — И как это вообще с тобой случилось?

Это было уже слишком. Алан молчал, глядя в одну точку.

— Тед добился, чего хотел? — Филипп произнёс это негромко, с осторожностью. — Теперь понятно, почему все считали тебя мёртвым. И вот каким образом тебе удалось уйти от Хардли.

Алан сжал кулаки. Наручники впились в запястья.

— Отвали!

Но старый знакомый не думал ни отставать, ни обижаться. Он просто смотрел — спокойно, выжидающе, а потом произнёс чётко и ободряюще:

— Перестань злиться на меня. Есть люди, которые больше заслуживают твоей злости.

Дверь открылась, и в кабинет вошла секретарша (Кейси, кажется) — стройная блондинка с хорошеньким личиком и длинными ногами, которые открывала до неприличия узкая юбка. Она продефилировала в центр, остановилась, отставив бедро и упершись левой рукой в тонкую талию, а правую подняла, демонстрируя проволоку — бывшую шпильку для волос.

— Я сделаю это куда быстрее Квина, — с улыбкой заявила она.

— Мне без разницы. Главное — результат. — Филипп махнул рукой.

Кейси обошла Алана и, оказавшись у него за спиной, каким-то чудом опустилась на колени — в своей невозможной юбке. Прикусив губу, она принялась ковыряться проволокой в замке. Не обошлось без псионики: Алан почувствовал знакомое прикосновение — его пытались усмирить, успокоить и одновременно привлечь, увлечь. Эта девица ещё с первой встречи произвела на него впечатление нимфоманки, но теперь он подозревал: дело в профессиональной деформации. Она «обрабатывала клиентов» не задумываясь. Работа или способ выжить в мире мужчин — не важно. Главное — делала она это виртуозно.

Щёлкнул правый браслет. Кейси взялась за второй и справилась ещё быстрее. Поднявшись с колен, она обошла освобождённого и, держа наручники большим и указательным пальцем, потрясла ими у него над головой, с улыбкой поигрывая бровями.

— Спасибо, Кейси. Можешь идти, — оборвал её Филипп.

Она положила наручники на стол и той же походкой *femme fatale* уплыла в приёмную.

— Она до всех домогается? — спросил Алан, когда дверь закрылась.

— Обычно её все раздражают, — уклончиво ответил Филипп, но и сам заметил её интерес. — Квина на дух не переносит.

Алан усмехнулся про себя: Квина, кажется, не переносил никто, кроме Филиппа, да и тот терпел его только как солдата.

— Сходи умойся, если тебе, конечно, не в радость ежедневные кровавые ванны, — предложил старый знакомый. — Но после я жду ответы. Я посвящаю тебя в планы, которые могут стоить мне жизни. Неужели после этого я не заслужил знать больше, чем люди Ланд-Кайзера?

Алан нехотя кивнул. А что ещё ему оставалось?

***

В уборной удалось умыться и прополоскать волосы; теперь они, мокрые и потемневшие, были зачёсаны назад и не лезли в лицо. Рубашка и куртка годились только на выброс. Алан как раз думал об этом, когда секретарша вернулась с «обеда» и вручила ему пакет из бутика по соседству. Внутри оказались новая рубашка и джинсы. Размер — тот самый. Оставалось только поражаться женской интуиции. От такой заботы хотелось отказаться, но не разгуливать же по городу в окровавленных тряпках?

И теперь, отмытый и переодетый, Алан сидел в кабинете и рассеянно таращился в кружку. От кофе остались только разводы пенки на стенках. День понемногу обретал привычный вкус и запах — даже сигаретой угостили.

— И вот так десять лет? — подвёл итог услышанному Филипп.

— Плюс-минус.

Алан обрисовал произошедшее лишь в общих чертах. Он никому и никогда об этом не рассказывал, да и друзей-то у него не было, чтобы болтать о себе.

— А без смерти регенерация не работает? — Филипп не отставал, рассматривая ссадину у него на руке.

— Чёрт тебя дери, я вообще не в курсе, как она работает! — огрызнулся Алан. — В эти моменты я немножечко мёртвый!

— Любопытно, — протянул Филипп и хмыкнул. — Жаль, что об этом узнали люди Ланд-Кайзера. Так сколько, говоришь, по времени это занимает?

— Я что, по-твоему, должен был включить секундомер и застрелиться?

— Это было бы весьма сумасшедшим поступком. — Филипп иронично улыбнулся. — Потому я и удивлён, что ты до сих пор этого не сделал. Разве самому не интересно?

— Ощущения не из приятных. — Алан поморщился. — Как и любая другая смерть.

— Сколько раз ты уже умирал?

— Достаточно.

Он не стал уточнять, что последние годы вообще не умирал, пока не повстречал одного надоедливого медиума.

Старый знакомый оставался непроницаемым, но Алан чувствовал его замешательство, а за ним — странное чувство причастности. Филипп и сам имел отношение к их общему прошлому — был редким образцом в коллекции Теда, только его не держали в палате, не вскрывали череп, не убивали от случая к случаю. Таких, как он, у безумного гения больше не было, зато телепатов — режь не хочу. И только они вызывали у Теда подлинный интерес.

— Тут любой спятит. — Филипп словно прочитал его мысли и в задумчивости почесал шрам на тыльной стороне ладони. — Понятно, почему ты начал убивать. Хотя... начал ты ещё до знакомства с Тедом.

Зачем-то он решил расковырять и этот гнойник. Наверное, испытывал терпение своего собеседника — проверял, как далеко сможет продрасться сквозь рычащий протест.

— Что-то ты не похож на человека, которому претит общество убийц. — Алан старался не показывать эмоций. Факты могли рассказать о нём многое, но не передавали сути.

— Убийца убийце рознь, — со значением произнёс Филипп. — Многие способны на убийство, чокнутых тоже хватает, но ты не был безумцем, когда сделал то, что сделал. Полагаю, были причины.

— Давай ты хотя бы в это не будешь совать нос? Моё прошлое никого не касается, а тебя — особенно.

— Я просто пытаюсь тебя понять. Ты сложный человек, Фоксфорд...

— Не называй меня так!

— Когда я изучал твоё дело, мне сначала показалось, что тебя подставили. — Филипп упорно не замечал его злости. — Свалили вину на тебя, чтобы прикрыть полицейского, или ты действительно их убил?

Алан оскалился. Что бы он ни ответил, этот дотошный прохвост всё равно использует это против него, да и в молчании найдёт массу занимательного.

— Я убил — этого было достаточно. А теперь отвали на хер, пока я не прикончил ещё и тебя!

— Наверное, было за что. — Филипп наконец сменил тему. — А что насчёт безликого демона? Я полистал дело и обнаружил кое-что интересное. В отличие от следствия некоторых

жертв мне удалось опознать. Среди них были люди, посланные следить за Ланд-Кайзером, но были и другие. Думаю, их гораздо больше, чем нашли и приобщили к делу. Ты убивал всех шпионов на своём пути?

— Да я как-то их об этом не спрашивал. Все они были мразями.

Сказав это, Алан осознал, как нездорово это звучит. В голове его суждения имели непреложный смысл, поддерживались подсознанием, но объяснять их Филиппу не хотелось. А что рассказывать? Что ему порой нестерпимо хочется убивать? Что, теряя контроль, он становится крайне неразборчив? Удивительно, что пока только Мэтис попал под его нож по ошибке!

— Какой-то печальный у тебя план мести, — рассудил Филипп, привалившись к столу. — В одиночку ты ничего не изменишь. Но, как я уже говорил, ты такой не один. Для этого и создан «Бумеранг».

— Дурацкое название! — не удержался Алан.

Филипп хитро ухмыльнулся, внезапно подумав о Ллойде.

— Как однажды сказал мой старый друг, «Найти бы ценителей, а критики всегда находятся сами». Название, может, и дурацкое, зато говорящее.

— За всё содеянное однажды прилетит расплата? — Алан приподнял бровь. — На мой взгляд, звучит крайне безвкусно.

— Я не художник — ножом на лицах не рисую, — парировал Филипп с тонкой улыбкой. Он выдержал паузу, смакуя удачную шутку. — Ладно, хватит ядом плевать. Больше никаких секретов, договорились?

— Только если дело касается Ланд-Кайзера.

Филипп кивнул, словно принимая условия, и спросил:

— Тогда кто такой Мэтис Вайерд?

Ловушка захлопнулась. Алан смотрел на него и в очередной раз поражался: этот человек удивительным образом сочетал в себе надёжность и желание сбежать от него как можно дальше. Без намёка на угрозу он вызывал тревожный холодок и пугал не меньше тех, кого собирался отправить в ад.

— Он просто мальчишка. Я напал на него по ошибке, — признался Алан, опустив детали.

— Ты его убил?

— А какое это имеет значение?

— Имеет, раз им интересовался Ланд-Кайзер. Он шпион?

— Филипп, я в этом не разбираюсь. Да и плевать. Этот парень вообще ни при чём: такая же жертва системы.

— Потому я и спрашиваю. Если он жив, то может быть полезен.

— Полезен?! — Алан скривился. В его представлении Мэтис годился только на то, чтобы действовать на нервы, но у него был редкий и опасный дар — такой нельзя отдавать беспринципным убийцам. — Давай не будем втягивать детей в наши проблемы!

— Я могу с ним поговорить?

Филипп злоупотреблял их соглашением, и это бесило Алана, но он помнил, на чём поле игра.

— Нет.

— Не смотри на меня так, будто хочешь зарезать. Я всего лишь спросил. И поверю тебе на слово, если скажешь, что мальчишка не помеха.

— Мне надоел этот допрос.

— Я тебя не держу. Думаю, ты сделал выводы и теперь заляжешь на дно, как положено. Нэйтон отвезёт тебя, куда скажешь.

Нэйтон... Алан хорошо запомнил этого наёмника. Люди Краста падали от него, как мухи от дихлофоса. Опасный тип. Впрочем, других Филипп и не держал. Не просто же так он увлёкся историей о неуловимом прилесском маньяке.

— Однако я рассчитываю на твою помощь, когда она мне понадобится, — перешёл к главному Филипп и тут же решил подсластить пилюлю: — Чем больше о тебе узнаю, тем сильнее восхищаюсь.

— Я сейчас лопну от счастья! — съязвил Алан.

Он уже собрался встать, но решил утолить любопытство, раз уж подвернулся момент.

— Давно хотел узнать, зачем ты всё это делаешь? Кому мстишь?

Филиппа явно порадовал его интерес.

— Хочешь понять мои мотивы? — Он отпрянул от стола и опустился в кресло. — Поверь, я достаточно долго в этой системе, чтобы рассмотреть её во всей красе. Ты видел только одну подпольную лабораторию, принадлежавшую жалкому фанатику. Да, он был худшим, но далеко не самым опасным. Паршивая овца, от которой свои же хотели избавиться. — Он помолчал, глядя на карандаш в подставке, потом продолжил: — Я же успел познакомиться со всеми лично. Вот где настоящее безумие и безнаказанность! На их счету всё, что только можно вообразить: жадность, разврат, жестокость, убийства, работорговля, инцесты, даже каннибализм! Это нездоровые люди, отравляющие всё вокруг. Потомки завоевателей, церковников, пиратов — тех, кто нажился за счёт других и продолжает доить этот мир, выжимать последние соки.

Алан запоздало понял, что это будет долгий монолог. Он, конечно, любил уроки истории, но от такого внезапного красноречия растерялся и решил просто слушать, не вставляя едких замечаний.

— С незапамятных времён они только и делали, что уничтожали. Извращали, разоряли, использовали, убивали, насиловали. Времена изменились, и они пошли дальше. Теперь они намерены жить вечно, не старея, не умирая, и — какая щедрость! — предлагают своим верным слугам бессрочную службу до тех пор, пока не захотят от нас избавиться. Ты слышал о вакцине?

Алан кивнул. Старый знакомый наверняка ею пользовался, потому и не изменился за десять лет.

— Очень полезная вещь, но с побочными эффектами. — Филипп открыл ящик, покопался в пенале и положил на стол инсулиновый шприц с маркировкой «LL». — Long life for Lightless. Очаровательно, правда?

Внутри была прозрачная жидкость. С тем же успехом он мог показать и воду, Алан бы не отличил, но Филипп не преувеличивал: это действительно было лекарство от старости.

— Увы, за всё приходится платить, — театрально вздохнул он. — Как ты думаешь, чем расплачиваются за такую отсрочку?

Алан пожал плечами. Вряд ли речь шла о муках ада, иначе вакцину бы не кололи все кому не лень, а мелкие неудобства ради вечной молодости можно и потерпеть.

— Бесплодие, — произнёс Филипп. — Природа мудра и коварна. Зачем тебе дети, если ты не собираешься стареть и умирать? Вот только наши враги становятся на этот путь добровольно, предварительно позаботившись о потомстве, а у таких, как мы, даже не спросят. Кому-то позволят наплодить новых солдат, кого-то сочтут бесполезным. После нескольких инъекций можешь уже не рассчитывать на отцовство.

Он постучал пальцем по столу, вспомнив о чём-то невероятно болезненном, но тут же отогнал эту мысль.

— Сначала они стирают твоё прошлое, потом отбирают будущее. Живи долго и умри в одиночестве. Как тебе такое?

— Поэтому ты решил отнять у них их незаслуженно долгую жизнь? — Алан смотрел на него с пониманием: у них были разные истории, но масштаб чужой трагедии он был способен оценить.

— Однажды я лишился всего и оказался у черты. Готов был шагнуть за край, но меня удержали. Я встретил человека, чья ненависть к Ланд-Кайзерам не уступала моей. Он изложил план — изящный, как всё гениальное. План, как заставить наших врагов получить по заслугам.

Филипп замолчал, глядя на вакцину. В глазах его застыло равнодушие. Он давно не сокрушался о потерянном будущем, но перечеркнуть прошлое так и не сумел. Его ненависть жидилась на личном.

Молчание затянулось, и Алан прервал его логичным вопросом:

— И ты теперь следуешь этому плану?

— Не совсем.

Филипп убрал шприц на место, туда, где лежало ещё несколько таких же, а рядом — ампулы с разноцветными маркировками. Затем он снова бросил взгляд на карандаш и только потом пояснил:

— Тот план, скажем так, провалился. Его автор и архитектор в последний момент дал задний ход. Но это вдохновило меня на собственный план, куда совершеннее предыдущего.

— Да ты прямо Монте-Кристо! — не удержался Алан. — Хоть книгу пиши!

— Не ёрничай! — Филипп с трудом подавил смешок. — Я уже отправил в ад нескольких ублюдков, до которых ты никогда бы не добрался. Скоро к ним присоединятся остальные. А ты, если не считать Теда, убиваешь лишь шестёрку Краста, агентов СБО, наёмников Тарсиза да прочую шваль. Можешь завидовать, но лучше присоединяйся.

— Я доволен тем, что имею. Чужих врагов мне не нужно. Остановимся на общих. — Алан помолчал. Кроме принципов, у него почти ничего не осталось, и именно поэтому он ценил каждый из них. — И ещё кое-что. Я вижу, ты умеешь внушать. Гипноз, промывка мозгов — не важно, как это называется. Не вздумай лезть с этим в мою голову! Не втягивай в своё болото. Убьём Ланд-Кайзера и этого бритоголового ублюдка, и я умываю руки.

— Мне большего и не надо, — снисходительно улыбнулся Филипп. — Но, если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

Алан встал и вышел в приёмную, радуясь, что телепаты хуже других поддаются внушению. Не хватало ещё лишиться воли и носиться с оголтелыми миссионерами. Выходной и так был загублен, как и неделя, и месяц, и год. Снова мир окрасился кровью, от которой не отмыться. Хотелось прямо сейчас начать кого-нибудь убивать, но надо было вернуться домой и убедиться, что Мэтис не спалил квартиру.

Глава 77. Бремя живых

В салоне былолюдно, но тихо. Никто не говорил, каждый думал о своём или старался не думать вовсе, но все были мрачны и подавлены. Грэг застыл, оставившись в руль, — живое изваяние. Сван подпирал щеку ладонью и таращился в окно, будто пытался сбежать от реальности и не возвращаться как можно дольше. Оба сидели впереди и, казалось, отгородились от Гейба невидимой стеной.

Кричать и махать кулаками было поздно. Оставалось только сидеть и смотреть на ладони, на которых давно высохла кровь Рина. Казалось, она въелась в кожу навсегда. Клонило в сон — тяжёлый, граничащий с обмороком. Хотелось свернуться на заднем сиденье и пролежать так всю дорогу, но Гейб держался. Он и без того ощущал себя жалким и ничтожным.

Машина всё ещё стояла на подземной стоянке. Когда в свете фар показались Кристиан и Руно, несущие тело, Грэг и Сван выскочили наружу — помогать укладывать Рина в «Хаммер». Гейб не пошевелился. Он больше не мог это выносить.

Снаружи звонил телефон, но Кристиан упорно его игнорировал. Только закончив с Рином, он поднёс трубку к уху.

— Да.

Слов было не разобрать, но лицо Кристиана становилось всё жёстче.

— Нет, Хардли, я нигде от тебя не прячусь. Скоро буду дома, поговорим. — Голос его был ровным, без эмоций. — Я сказал: нет. Давай не будем лаяться по телефону. Сядем и поговорим спокойно. Нам есть что обсудить.

Он резко убрал телефон и посмотрел на парней. Те ждали... чего? Объяснений? Обещаний? Чуда? Чего угодно, только не этого давящего молчания. Кристиан не дал им ничего и перевёл взгляд на Гейба, всего на пару секунд, потом отвернулся и забрался в «Хаммер».

Грэг и Сван вернулись в машину. Они молчали всю дорогу до поместья, и к концу пути тишина пробралась в голову, выжигая мысли, а от гула дороги заложило уши. Мелькавшие за окном сосны пропускали свет вспышками, бившими по глазам. Даже солнце разило упрёками.

Притормозив у ворот в ожидании, когда те откроются, Грэг неожиданно спросил, нарушив долгое молчание:

— Зачем вы вообще туда сунулись?

Гейб не ответил. Каждый додумал сам. Не нужно быть гением, чтобы вычислить автора такой блестящей идеи. Все поняли это ещё там, в исследовательском центре, и теперь просто надеялись, что ошиблись, пытались поверить, что существовала весомая причина, чтобы хоть отчасти оправдать случившееся. Но в глубине души у каждого гноилось осознание: ни одна идея не стоит человеческой жизни.

За воротами их встретила охрана — люди Краста. Они пропустили обе машины, но смотрели так, будто явились враги. Автомобиля начальника безопасности во дворе не было. Гейб не знал, как именно Кристиан заполучил Вивера, но теперь понимал: тот пошёл на крайние меры, на неоправданный риск, чтобы спасти его — того, кто заварил всю эту кашу, кто должен был получить пулю вместо Рина.

Он выскочил из машины первым, не дожидаясь остальных, и едва не упал. Качнувшись, заскользил ладонями по «Хаммеру». Его штормило, шатало, боль только усиливала злость и отчаяние. Взгляд белобрысого замер: за затемнённым стеклом лежал мёртвый друг, и ему захотелось провалиться сквозь асфальт прямиком в ад, лишь бы не видеть ни Рина, ни собственного отражения рядом с ним.

— Проводите его к Алену, — велел Кристиан парням, но Гейб услышал невысказанное: «С глаз моих».

Он шагнул, и голова закружилась ещё сильнее. В глазах замелькали вспышки, размытые образы, и под влиянием бесконтрольной псионики они навязывались окружающим. Вот что бывает, когда у человека с необычной психикой сотрясение мозга. Гейб приложил пальцы к ране над виском — оттуда натекло много крови, испачкав волосы и щеку. Царапина, ерунда, а последствий — море.

Асфальт уходил из-под ног. Земля отказывалась его выносить, но он упрямо шёл, отталкивая тех, кто пытался его придержать. С ним не говорили. Лучше бы кричали, оскорбляли, винули! Лучше буря снаружи, чем внутри. Но молчал даже Сван... Сван, который не умел затыкаться! Казалось, вместе с Рином умер весь их привычный мир.

В коридоре из охраны высунулся Верн — встревоженный, растерянный. Он знал. Все знали. И знали, кого винить. В западном зале дожидался Фор. Увидев их, он подскочил — глаза его распахнулись, брови взлетели, и удивление тут же сменилось ужасом. Вот кому со своей телепатией стоило держаться подальше!

Спасаясь от чужих взглядов, но не от себя, Гейб вломился в медкабинет и захлопнул дверь, прежде чем кто-то успел сказать хоть слово.

Глава 78. Маятник

Фор недолго радовался своему праву на жизнь: стоило на миг заикнуться на собственной судьбе, и внешний мир напомнил о себе траурным звоном. Предчувствие беды витало в воздухе давно, но случилось непоправимое. Пару часов назад Крис собрал всех и сказал то, во что невозможно было поверить, а едва воспитанники опомнились от потрясения, он изложил состряпанный наспех план, но Грэг и Сван согласились без колебаний. Оставалось только завидовать их отчаянной смелости.

Верну и Фору ролей не досталось. Братья последнего в логово Краста — всё равно что везти на заклание. Верн рвался вместе со всеми, но кто-то должен был остаться в охранке, да и мест в машине хватало всего на четверых. Даже Руно не взяли — отправили сразу в НИИ. К начальнику безопасности поехали только те, чей талант подходил под ситуацию. Никакой грубой силы — только хитрость, щепотка псионики и капля ментала.

И вот Крис с парнями вернулись. У них получилось, но успех операции несколько не умалял катастрофы.

Стоя у двери медкабинета, Фор первым не выдержал тишины и повернулся к соседям.

— Кажется, у него сотрясение, — взволнованно произнёс он, не зная, о чём вообще уместно сейчас говорить.

Грэг угрюмо посмотрел на него. Сван поморщился и поправил рубашку, пытаясь спрятать пистолет, заткнутый за пояс. Поймав взгляд телепата, он понял, что его уже раскрыли, и скривился ещё сильнее.

— Да у него всегда было не в порядке с башкой!

— А Краст... уже знает? — осторожно спросил Фор.

— Ну ещё бы! — Сван всплеснул руками, глянул на Грэга, но не дождавшись никакой реакции, завёлся ещё сильнее: — Уже мчится сюда, решая, кого первым прикончит! — Он возмущённо уставился на телепата. — А ты чё молчал о том, какой он поехавший?!

Фор виновато потупился. Они с соседом никогда не ладили, им было не до откровенности.

— Так вот отчего ты шуганный такой?

— Отстань от него, — вступился Грэг.

— Да вы задрали молчать обо всём! Потом вот чё получается! — Сван развернулся и пошёл к дивану, давая соседям время обдумать гнетущий смысл его слов.

— Я пойду к Крису, — предупредил Фор и направился к выходу из западного крыла. Парни заслужили передышку, а ему раскисать некогда. Он нужен начальнику, быть может, как никогда.

В коридоре он наткнулся на Руно и Алена: они несли Рина. При виде последнего Фор опешил и замер, не в силах выдохнуть ни слова. Он встречал смерть, и не раз, но сейчас она подобралась слишком близко. Телепат с ужасом думал о том, что не узнаёт Рина, словно это был кто-то другой. Опомившись, он добежал до конца коридора, свернул в офис и заглянул в кабинет.

Крис стоял у стола, склонившись над ноутбуком.

— Фор, сиди лучше в комнате, — бросил он, мельком взглянув на вошедшего. — Не маячь перед носом у Хардли. Он будет с минуты на минуту.

— Так скоро? — изумился телепат.

— Уже приехал. Следом за нами. — Крис кивнул на монитор с камерами. — Мне бы сейчас свою голову сохранить, а не о твоей беспокоиться.

— Как ты ему всё объяснишь? — Голос Фора дрожал.

— Как есть. Обратись я к нему с просьбой, он бы меня не послушал. Теперь что сделано, то сделано. Оставь нас, мы сами разберёмся.

— Но ты виделся с Вивером? Он что-нибудь сказал о Мэтисе? — упёрся Фор. Как ни боялся он Краста, жизнь друга была важнее.

Крис строго посмотрел на него, но потом его взгляд упал на экран и помрачнел ещё сильнее.

— Поздно. Он уже здесь. Постарайся не дышать в его присутствии, а как выйдешь, запишись в комнате и не выходи.

Что бы он ни говорил, но заботился о воспитаннике больше, чем о себе. Они стали кривым зеркалом друг друга.

— Подожди...

Брови Криса взметнулись, когда он понял, куда направляется Краст. Он выбежал из кабинета в коридор — туда, где только что из парадной повернули начальник безопасности и его наёмники.

— Хардли, я здесь! — окликнул он.

Тот даже не замедлился.

— Ну и что это значит? Хардли, стой! Это касается нас двоих.

— Прежде чем заняться тобой, я избавлюсь от лишнего мусора. — Краст бросил это не оборачиваясь. Он жестом подал знак своим, и двое наёмников замерли у двери охраны, заблокировав выход.

— Они здесь ни при чём! — Крис попытался нагнать Краста, но прежде всего — достучаться. — Они просто выполняли приказ.

— Чей?

— Мой.

— Вот именно. Если твоё слово для них выше правил, то они мне здесь не нужны.

— Постой. Они никуда не денутся. — Крис почти был готов вцепиться в куртку коллеги, лишь бы не пустить его дальше. — Нам есть о чём поговорить.

Краст резко развернулся, вскинул пистолет и выстрелил. Пуля вошла в стену, совсем немного разминувшись с Крисом, заставив того инстинктивно дёрнуться и отступить.

— Заткни пасть! — рявкнул начальник безопасности. — Иначе следующий будет тебе в голову! Мне хватило твоей болтовни, когда ты мне зубы заговаривал!

Он снова зашагал к залу, где жили воспитанники. Крис, морщась от звона в ушах, поборол смятение и бросился следом.

— Не забывайте, кто именно вам платит, — напомнил он наёмникам, но те даже не дрогнули.

Фор не знал, куда деться. Он ошеломлённо семенил за начальником, не зная, как помочь, но просто не мог его бросить.

— На сегодня достаточно жертв, Хардли. Слышишь меня? — не сдавался Крис.

— Когда в доме кишат паразиты, их нужно истреблять. Всех разом, — бросил Краст через плечо и заметил телепата. — А вот и один из них.

— Хардли, нет!

Пистолет застыл в воздухе. Из дверей западного крыла выбежал Руно: примчался, услышав стрельбу. Магнитная волна остановила пистолет и направила дулом в пол, едва не вырвав из крепкой хватки Краста.

— Полегче, приятель. Никакого оружия в доме, — твёрдо, но без угрозы напомнил Руно.

Начальник безопасности разжал пальцы. Пистолет улетел в европейский зал, где застыл дворецкий с подносом. Крис махнул ему, чтобы уходил.

Руно стоял в дверях, лицом к лицу с Крастом. Он понимал, на что идёт, но не отступал.

— Говоришь, полегче?

В следующее мгновение тело Руно свело судорогой. Он рухнул на пол, не в состоянии пошевелиться. Начальник безопасности мотнул головой, и один из наёмников, склонившись над ним, вколол пси-блокатор.

— Полежи, подумай... если сможешь, — холодно произнёс Краст. — Решишь мешать — сломаю обе.

Руно заорал. Фор вскрикнул следом, качнулся и схватился за стену. По ноге расползлась невыносимая боль.

— Твою мать, Хардли! Что ты творишь?!

Краст достал второй пистолет и нацелил на телепата. Он не собирался его убивать, только ранить — для убедительности. Крис шагнул вперёд, заслоняя собой Фора. Тот за его спиной вдруг почувствовал себя в безопасности.

— Убери пистолет. Никто не хочет тебе навредить. Мы в одной лодке.

— Вспомни об этом, когда побегут крысы, — фыркнул Краст, но оружие опустил. — С вами я потом побеседую. Долго.

Он перешагнул через Руно и вошёл в западное крыло. Наёмники скрылись следом. Крис поспешил за ними. Фор потоптался в дверях, разделяя боль водителя, и скользнул в коридор, но было уже поздно: впереди прогремели выстрелы.

Фор и не понял, как побежал. Очнулся он уже на повороте и уставился на происходящее. К счастью, все были живы. Краст просто пугал, дважды пальнув в потолок. Грэг застыл с поднятыми руками, Сван в панике нырнул за диван. Наёмники рассредоточились по комнате, один привалился спиной к двери медкабинета. У них на любой случай были инструкции.

— Выбирай, с кого мне начать. — Краст бросил на Криса плотоядный взгляд. — Кого из них любишь больше — старшего или младшего?

Только сейчас Фор смог хорошо разглядеть его лицо, прошитое злобой, отравленное горем, изуродованное порезом поперёк брови. Телепат чувствовал эмоции всех вокруг, но внутри начальника безопасности бушевал торнадо. Друг и партнёр его предал, отняв шанс отомстить за сына.

— Хардли, я тебе соболезную. — Крис видел его боль. — Я тоже любил Роланда, ты же знаешь. Но не поддавайся ненависти. Давай сядем и поговорим как взрослые люди.

— Я сейчас обоих грохну, если не выберешь! — Краст стиснул зубы и ткнул дулом в сторону Грэга. — Ну?! Майндкапчера или этого конченого выблядка?

— Никого. Убери пистолет.

— Что такое?! Ты предпочёл мне своего шута с глюками, а теперь выбрать не можешь?

— Стреляй в меня, если хочешь кого-то убить, но моих ребят не трогай.

— Могу начать и с тебя. Думаешь, не стану? — Краст перенаправил пистолет на Криса, но руку расслабил, не собираясь стрелять (телепат это сразу почувствовал). — Я тебе ни одной целой кости не оставлю! Ты ещё молить меня будешь, чтобы я их прикончил!

Он сделал шаг.

Прозвучало два выстрела. Все вздрогнули от неожиданности. Стрелял Сван. Видя, что ситуация вышла из-под контроля, он выхватил припрятанный пистолет и дважды пальнул в начальника безопасности, прежде чем наёмники повалили его на пол, выбили оружие и уткнули стрелявшего лицом в ковёр. Краст, ошарашенный, отступил на полшага. Боль мгновенно пробила его грудь, но не пули: обе застряли в бронежилете под курткой.

— Ты...

Фора обдало леденящим ужасом, и не только своим. Казалось, даже Крис потерял дар речи, решимость и веру. Сван дёрнулся, прошипел что-то сквозь зубы, но удар по уху заставил его замолчать. На лице Грэга застыла немая безысходность. Все понимали: дело плохо, неправимо плохо. Их держали на прицеле, не оставляя шанса.

— Тащите его сюда, — приказал Краст.

С собой он взял только тех, у кого был высокий ПС. Двое наёмников поволокли Свана по полу, не давая вырваться. Всех тут же пробрало до мурашек от всплеска эмоций, но никого не проняло. Псионика оказалась бессильна, а профессионалы знали своё дело: не смотрели менталистам в глаза.

— Хардли, оставь мальчишек, — тихо попросил Крис, с обречённостью осознавая, что сейчас друг и коллега не услышат даже крика. — Говори со мной как мужчина с женщиной.

Краст скорчил презрительную гримасу и направил пистолет на Свана — того как раз швырнули ему под ноги.

— Поговорю, как только кончу этого. А ты смотри.

Время остановилось — так показалось Фору, стоявшему в стороне. Сердце дрогнуло раз, другой, и вдруг он понял: время идёт, а люди вокруг замерли, словно их заморозили в неудобных позах.

В зал бесшумно вошёл Ланд-Кайзер. Он всегда походил на эфемерного призрака, а на фоне застывшей реальности выглядел и вовсе сюрреалистично: беловолосый, как ангел, но взгляд не ангельский — холодный, серьёзный, без тени эмоций. Фор понял, что хозяин применил телекинез — одну из самых опасных способностей.

Телепат не знал, как именно это работает. Он слышал, что телекинез находится на стыке псионики и сенсорики: нужно и ощущать пространство, и воздействовать на него. Верн иногда передвигал с его помощью предметы, но ронял, если кто-то тянулся к ним, боясь покалечить. При малейшей ошибке он мог раздавить и вещь, и чью-нибудь руку. Фор старался не думать об этом, но невозможно было не ощущать, как что-то невидимое обволакивает всех собравшихся в зале подобно толще воды на гигантской глубине. Давление не пропадало, дыхание замедлялось, люди стояли скованные: парализованные снаружи, но не внутри.

Ланд-Кайзер вошёл в комнату неторопливо, бесшумно. Он был в домашнем костюме, похожем на пижаму, и ступал босиком. Хозяин с детства не любил обувь, но куда сильнее ненавидел насилие. Он проплыл мимо Фора, мимо Криса и, остановившись у ближайшего наёмника, коснулся пистолета, ставя на предохранитель. Вот так просто: подошёл, как к манекену, и подвинул пальцем маленький рычажок. То же самое он проделал и с остальными. Последним был Краст. Обогнув его статичную фигуру, Ланд-Кайзер встал напротив и аккуратно забрал оружие, как спички у ребёнка. Пистолет повис на его указательном пальце, протетом в спусковую скобу. Тёмный металл жутко контрастировал с белоснежной кожей.

— А теперь все посторонние выйдут.

Наёмники оттаяли, двое из них закашлялись, и все до одного поспешили прочь. Фор почувствовал, что и его отпустили. Он обмяк и опустился на колени. Его грудь так долго не могла сделать глубокий вдох, что внутри стало душно до тошноты. Крис, Грэг, Сван — все ожили и закашлялись, но кашель тут же стихал, словно напуганный.

— Мы не убиваем людей, Хардли, — назидательно произнёс хозяин. — Либо ты принимаешь это правило, либо уходишь из этого дома.

Краст пошевелился. Фор зашёлся трепетом, зная, что зверь в капкане становился только опаснее.

— Они нарушили правила, — процедил начальник безопасности. Кашлять он себе не позволил.

— Правила создаются, чтобы обезопасить людей, а не убить, — не согласился Ланд-Кайзер. Говорил он спокойно и тихо. — Я соболезную твоей утрате и прошу прощения за то, что применил силу, но по-другому ты бы меня не услышал.

— И что дальше? Ментал? — В голосе Краста сквозило презрение. Хозяина он не боялся.

— Я никогда не применял суггестии к тебе и твоим людям. — Ланд-Кайзер чуть качнул головой. — Принимай мои правила, или ты уволен. Но пока ты в моём доме, я не позволю тебе кормить свою злобу и желание убивать.

Краст шагнул к нему вплотную.

— Ты не отсидишься здесь вечно со своими пацифистскими взглядами, Лорквелор, и они ещё ни разу никого не спасли.

Он развернулся и быстрым шагом направился прочь. Фор торопливо отполз с прохода, боясь, что его затопчут. Все смотрели вслед бывшему начальнику безопасности.

В зале западного крыла замерла крайне неловкая и глупая сцена. Сван растерянно сидел на полу, Крис нервно поправлял галстук, Грэг застыл столбом, лишь дважды моргнув, Фор вцепился в паркет напряжёнными пальцами, глядя на безупречно белые босые ступни, словно никогда не знавшие крови, а в центре этого театра абсурда стоял флегматичный хозяин в пижаме. Пистолет качался на его бледном пальце, как маятник, отсчитывающий последние секунды до полуночи.

Глава 79. Враг по соседству

К счастью, плохое всегда перемежается хорошим. В обычной жизни мы этого не замечаем, потому что тревога побеждает беспечность, но, когда ты в кромешной тьме, даже слабый огонёк кажется спасением.

Мэтис больше не боялся за свою жизнь. Нет, он всё ещё опасался попасть под горячую руку, но был уверен: безликий демон не хочет его убивать. Ещё недавно пленник чувствовал себя на дне колодца, куда час за часом прибывала вода; теперь он знал, что находится в бункере, и снаружи его не достать. Даже ненависть к себе скукожилась до тихого голоса, который легко удавалось заткнуть. Для полного счастья не хватало только вкусной еды и чистой одежды. Тут-то судьба и решила, что подарков достаточно.

Сначала закончилась вода. Это был первый тревожный звоночек: грязная тарелка в раковине могла спровоцировать вспышку ярости безликого демона. Мирное сосуществование пленника и похитителя зиждилось на чистоте, которую убийца наводил день за днём с маниакальной скрупулёзностью, а теперь в раковине стояла грязная тарелка, и вымыть её было нечем. Вторую тарелку Мэтис разбил. Она была последней. Пленник мысленно приготовился к насильственной смерти.

— Если не убьёт, то безобразно изрежет, — объявил он вслух и начал придумывать, как загладить вину.

Из холодильника заискивающе смотрели яйца и кефир. Мэтис решил приготовить примирительный завтрак. Он сначала извёл продукты и только потом вспомнил о муке: её в доме не было.

«Как же так? — подумал он. — У всех на кухне есть мука, и масло, и соль, и сахар!» А потом он вспомнил, где находится, и долго смотрел на бурду на дне единственной кастрюли, отныне тоже грязной. Он хотел было уничтожить улики, но вода-то закончилась. Застонав от бессилия, Мэтис ушёл в комнату и закрылся.

В этот раз безликий демон изобрёл слишком жестокое наказание: он просто не возвращался. Его не было со вчерашнего вечера. Пролетело утро, угасал день, а Мэтис оставался один — без упрёков, без фирменного «раздражаешь», без угроз быть зарезанным, но и без воды. Казалось, убийца решил избавиться от пленника, не пачкая рук, но это не походило на правду. Безликий демон не отказал бы себе в таком удовольствии.

Единственным окном в мир оставались видения. Они отбирали много сил, но отказаться от них медиум не мог. Так бывает, когда смотришь сериал и не можешь остановиться: ещё одну серию — и вот уже не ложился совсем, истощён, опустошён, но доволен... или недоволен — как повезёт с развязкой. Только в отличие от фильмов, где есть сюжет, а ружья стреляют вовремя, у видений не было ни сценария, ни жанра. Они показывали что-то, непонятно о чём, неизвестно зачем, вырванное из контекста.

Ба-бах! — хлопает входная дверь.

От этого звука каждый раз всё внутри вздрагивает и сжимается.

Мэтис распахнул глаза. Сердце заколотилось. Он пытался понять: это был сон, видение или вдалеке действительно хлопнули дверью?

— Это ты? — крикнул он в тишину.

Квартира молчала.

— Я всё уберу! — добавил Мэтис на всякий случай. — Только не убивай!

Последнее было сказано, чтобы разрядить обстановку.

«Ну и какой толк от видений? — подумал он раздражённо. — Что бы я ни узнал, воды это не принесёт!»

Однако дело скрашивало ожидание, а единственное, что оставалось медиуму — пытаться отыскать истину в галерее кривых зеркал, увидеть цельную картину в сотне корявых осколков, многие из которых крошились в пальцах или резали ладони острыми краями. Не так-то просто раз за разом погружаться в мир безумцев.

— Считаешь меня чудовищем? Убийцей? — Он смотрит в потолок, но видит себя со стороны. — Фоксфорд, но ты же и сам убийца, забыл?

Хочется отвернуться, не видеть, не слышать, но даже глаз сомкнуть не получается.

— Попробуй не думать, — советует он и тут же кривится от собственного вида. — Против воли за собою наблюдаю, — произносит нараспев. — Как ещё заставить вас слушать?!

Грёбаный мудак!

— Давай без этого. Мы оба знаем, чем это кончится: я буду мучить тебя, ты — обижаться. Разве так должны разговаривать люди?

Можно подумать, он что-то знает о них. Снова пришёл, сидит, опираясь спиной на стену. Ему не с кем поговорить, и хочется страдать, проклиная всех. Недалёкие, лживые, мелочные люди...

— Ненавидеть всех и нуждаться в них... Как же это ужасно — понимать всех, когда никто не понимает тебя!

И он сидит, ощущая, как его мысли и чувства звучат эхом в чужом сознании, и сам ворует чужие мысли и чувства, словно отбирает обратно.

— Ты ничем не лучше. — Снова лезет туда, куда не пускают, но он как никто умеет взламывать замки. — Ах, какая трагедия! Гасите свет! Тело — на вынос! Раз уж ты не нужен себе, вот и не злись, что не принадлежишь себе.

Он улыбается. Веселье быстро потухает.

«Что было выше жизни и морали, честнее истины — лишь только в пустоту...»

— Уж не тебе распинаться о желании жить...

— Я знаю! — выкрикивает он и переходит на шёпот: — Я лучше тебя это знаю, но я хотя бы ищу...

«Куда же ускользнёт? Куда свой бег направит? Мысль — не свеча, чтоб гаснуть по утрам, в своём горенье медленно растаяв... Не может мысль навеки в пустоту».

Но это то, чего он хочет.

— А чего хотел ты, когда делал это? — Его голос становится надменным. Поэт исчез, вернулся циник. Впрочем, одно другому не мешало. — Нож внутрь. Насквозь до нёба. Никакого сопротивления. — Его палец упирается в мягкий участок плоти под подбородком и ощущает, как под кожей натянулись жилы. — Было очень много крови. Он захлёбывался ею, не так ли? Знаю, он заслужил. Не надо оправдываться. Я понимаю. — Он улыбается и впервые поворачивает лицо. — Было очень больно резать себя.

Если бы себя, не было бы так больно.

— Чушь! Иногда нужно переступить через страх, через боль, через запреты. Мы теряем себя за ними, но ради чего? Мы лишь идеи. Мы умираем и исчезаем, а всё, нами созданное, достанется другим — тем, кто не взирал на запреты, или тем, кто пришёл после нас. Так есть ли смысл оставлять после себя хоть что-то? А есть ли смысл вообще умирать? И есть ли вообще смысл?

«Зачем же ты существуешь, раз его нет?»

Каждая мысль, рождаясь, отражается от чужого сознания и циркулирует туда-обратно до окончания рассудка.

Большой палец — а чей именно? — упирается в лезвие скальпеля. Кожа лопается, по руке скользит кровавая капля. Он смотрит на неё холодно, отрешённо, словно забыл ощущение

ние собственной боли. Ему хочется продолжить, но нельзя. Это неправильно. У него столько дел. Нельзя... Бесконечные, осточертевшие «нельзя»... Нельзя! Не себя.

Мэтис поёжился и перевернулся на бок, пытаясь стряхнуть сумасшедшие образы. Ему захотелось домой, в тёплую постель, а лучше — в другую вселенную, где нет безумных учёных, проводящих опыты над людьми, где нет безликого демона, уродующего лица жертвам. Но, подумав, медиум понял: в такой вселенной не будет и его самого.

Висок упирается в пол. Глаза пересохли. Сколько ещё продлится этот кошмар?

— Я буду рядом, пока всё не закончится, буду ждать. Разве кто-то ещё ждёт тебя?

Если только в аду. Хотя ад — здесь.

— Ада не существует. Мы его придумали. Можем придумать что угодно. Придумать, а потом создать.

«Только удержать ничего не сможем...»

Просто сдохни.

— Это не выход.

«Не единственный из возможных».

— Как глупо — не ценить своё время. Или дело в том, что у тебя его слишком много? —

Он замирает, сверлит взглядом пол. — Кому-то всё, кому-то ничего, и всем подавай чужого! И никто не получит желаемого... И не поделятся поровну.

Тоска. Невыносимо тускло. Если бы у чувств были цвета, сейчас они стали бы серыми.

«Сорваться и падать».

— Ты есть как минимум у себя.

Сказал бы ты это себе.

— Я хотел бы услышать другое, но люди не видят, не слышат...

«Не чувствуют».

Он признаёт, что устал разделять эту боль, но без неё снова забудет, что дышит.

Просто сдохни. Или хотя бы уйди.

— Нет, я останусь. Я всегда буду здесь и не оставлю тебя умирать в одиночестве.

Мэтис долго смотрел на серую стену, пока не осознал, что видение кончилось. Тогда он потянулся к плееру, надел наушники и ушёл в себя под меланхоличную музыку. Ему и без этих чужих терзаний было тошно и одиноко. Родители погибли шесть лет назад. Двоюродный брат, с которым они не расставались всё детство, очень резко от него отдалился и, казалось, презирал. Девчонка, которая нравилась, предпочла их общего приятеля. Лучший друг предал. Дом, куда Мэтис стремился попасть, оказался рассадником зла. Дар не приносил пользы, только напоминал, как несправедлива жизнь. Но страшнее всего было собственное бессилие — невозможность хоть что-нибудь изменить.

А ещё этот безликий демон... Теперь Мэтис относился к нему двояко. С одной стороны, в душе гноилась обида, граничащая с ненавистью — за испорченную жизнь, за следы на лице и теле, за ужас, от которого не исцелиться. С другой — Мэтису было искренне жаль этого сумасшедшего. Любой чокнется от такого, а похититель, в общем-то, ещё неплохо держался. Пустая квартира рассказывала о хозяине лучше досье. Она кричала о том, что он замкнут и одинок. Человек, находящийся так же глубоко в своей голове, как далеко поселился от города. Его требовательность к порядку казалась той малой опорой, что не давала ему провалиться в хаос безумия.

Всё это не оправдывало убийства, но у Мэтиса, помимо логики и интуиции, был дар медиума. Видения позволили узнать похитителя ближе, чем хотелось бы. Слишком близко. Они приходили легко, но быстро отбирали силы. Чаще всего это были обрывки: похититель бежит по лесу то на пробежке, то спасаясь от погони под грохот ружья. Пазл понемногу складывался. Сердце замирало от чувства разгаданной тайны, но радость быстро сменялась сомнениями. Ничего хорошего в ответах не было. Десятки людей имели ту же судьбу и ни единого

шанса на спасение. Их держали в палатах, а потом убивали. Вот почему видения снова и снова возвращались к диспансеру. Мэтис искал убийцу, а ему показывали жертв. Хотел понять мотив и в упор его не замечал.

А ещё... он то и дело оказывался в голове того, кого убивали. Разве мог он представить, что это один и тот же человек? Что это и есть безликий демон? Хотя какой он теперь демон — обычный человек. Разве что судьба у него необычная.

Уже садилось солнце, когда щёлкнул замок на входной двери. Мэтис дремал, отложив плеер, но тут же проснулся, подскочил, выбежал в коридор и выпалил:

— Ты вернулся!

Безликий демон прошёл мимо, в зал. Вид у него был, как всегда, недовольный.

— Ты только не злись, просто вода кончилась, — затараторил Мэтис, увязавшись следом.

Похититель бросил спортивную сумку на пол у дивана и молча начал переодеваться.

— Что, даже «привет» не скажешь? — обиженно спросил Мэтис. — Так недолго почувствовать себя призраком. — Не дождавшись ответа, он шагнул вперёд и предложил: — Если хочешь, я сам схожу за водой. Ну, в смысле, помогу принести.

Похититель замер, будто только сейчас заметил, что в комнате кто-то есть, и повернулся лицом к пленнику.

— Ладно, — раздражённо бросил он и продолжил возиться с пуговицами.

На нём была не та рубашка, в которой он уходил. Он все эти дни носил только бордовые и фиолетовые, одинаковые, а эта — тёмно-синяя. Раньше в шкафу её не было.

Безликий демон почувствовал взгляд Мэтиса, развернулся и пнул сумку; и та пододвинулась ближе к пленнику. Мэтис уставился на неё с опаской: вдруг там орудия убийства, окровавленные тряпки или останки чьих-нибудь тел?

— Какой ты кровожадный, — съязвил похититель. Не стоило забывать, что он был телепатом.

Мэтис нервно улыбнулся, наклонился и заглянул внутрь. В сумке лежала его одежда: свитер, футболки, джинсы.

— Ты это сделал! — воскликнул он. — Круто! Спасибо!

Схватив сумку, Мэтис потащил её в комнату. Он собирался тотчас переодеться, но быстро передумал: лучше сначала натаскать воды, помыться, а потом уже надевать чистое.

Он раскладывал вещи на матрасе, когда похититель мелькнул в коридоре, зашёл на кухню и выругался.

— Я всё уберу! — крикнул Мэтис.

— Уж постарайся! — донёсся раздражённый голос и тут же осёкся. — Стоп, а это что? Мой кефир?

— Да-а...

Раздался тяжёлый вздох, горький и грустный, будто это было худшее, что случилось с убийцей за всю его жизнь.

Когда безликий демон остановился у двери с пустыми вёдрами, Мэтис тут же пристроился рядом и обрадовался, что его не прогнали. Он взял одно ведро и пошёл следом за похитителем, жадно таращась по сторонам. Сколько он просидел в квартире? Не меньше двух недель! Уже и забыл, каково это — быть снаружи.

На улице он втянул полной грудью холодный воздух и пожалел, что не надел под балахон свитер. Лес чернел по ту сторону дороги и впервые за долгое время не пугал тенью. Да будь там хоть настоящие призраки или наёмные убийцы, это им стоило бояться безликого демона. Тот молча шёл впереди, мимо пустых окон, вдоль необлицованных подъездов. Мэтису хотелось завязать разговор, но он не знал, с чего начать. Позвать по имени? Он знал его из видений, но убийца мог разозлиться, узнав, что медиум знает больше, чем ему положено.

Вместо «Эй, Фоксфорд!» Мэтис ускорил шаг и спросил:

— Так как можно тебя называть?

За секунду до этого убийца остановился, будто что-то услышал или вспомнил. Постоял мгновение, не оборачиваясь, и зашагал дальше.

— Алан, — бросил он на ходу.

«Не Фоксфорд?» — мысленно удивился Мэтис.

— Алан, и больше никак, — подтвердил безликий демон.

«Телепат, — напомнил себе Мэтис. — Не хочет говорить настоящее имя. Ну, Алан так Алан».

— Здесь так тихо, — произнёс он вслух. — Мы ведь где-то за Крутым Логом? Или в Чёрных соснах?

Похититель не ответил.

— А с местными бомжами проблем не бывает? — не унимался Мэтис. — Или ты на них по ночам охотишься?

Алан (как он сам представился) обернулся, приподняв брови.

— Нет тут бомжей. Слишком далеко от города.

— Значит, сосны. — Мэтис довольно улыбнулся. — Не смотри так! Я знаю карту области как свои пять пальцев. Я же медиум-детектив, потому и наблюдательный!

— Наблюдательный, но не особо умный, — поправил Алан.

— Ты не убил меня за то, что знаю твоё лицо, — парировал Мэтис, — так что за примерный адрес точно не прикончишь. Надеюсь.

— Наблюдательный, не особо умный и очень наивный, — попытожил похититель.

— Ага, а ещё раздражаю, — напомнил пленник.

— Именно.

Они подошли к обычной колонке. Алан поставил ведро под кран. Пока набиралась вода, Мэтис разглядывал недостроенные здания, торчащие из леса.

— Я слышал, здесь жить нельзя, — произнёс он. — То ли газы, то ли трещины в земле. Нулевой квартал не просто так забросили.

— Что только не придумают, чтобы сбить цену, — отрешённо отозвался Алан.

— Ты же не купил тут квартиру? — Мэтис улыбнулся. — А то тебя развели.

Алан промолчал, глядя на воду.

— А если решат достроить? — не отставал Мэтис.

— Владельцу эти развалины уже не нужны.

— Правда?

— Он хотел тут кое-что построить, но не успел.

— Умер? — Мэтис поймал тяжёлый взгляд Алана. — Ты это благодаря телепатии знаешь? Или сам его убил?

— Призраки нашептали, — фыркнул Алан и пододвинул второе ведро.

Стоило Мэтису попытаться поднять то, что было полным, как его глаза полезли на лоб. Сначала кома, потом неправильный образ жизни сильно его истожили. Последний раз, когда он взвешивался, весил пятьдесят три килограмма. Дядя шутил, что в нём полчеловека. В сравнении с самим дядей уж точно!

Алан покачал головой, забрал оба ведра и понёс сам. Мэтис поплёлся следом, испытывая неловкость: рвался помогать, а на деле оказался бесполезен.

— А почему ты водопровод не сделаешь? — спросил он. — Генератор же соорудил.

— Много возни, — отмахнулся Алан, словно ежедневные марафоны нисколько его не обременяли.

Мэтис решил, что стена между ними достаточно расшатана, и перешёл к важному.

— А ты знаешь, почему не можешь умереть?

Алан промолчал, никак не реагируя.

— Это тот учёный с тобой сделал? — не отставал Мэтис. — Ты теперь вообще никогда не умрёшь?

— Умрёшь ты, если будешь много спрашивать, — предупредил Алан, но, кажется, злился уже не всерьёз.

— Прости. Просто интересно. А много таких, как ты?

И снова молчание, упрямое, но обречённое.

— А тот, кто это сделал, он тоже бессмертный?

— Нет.

— То есть как? Не успел?

— А ты попробуй сам себя препарируй, — съязвил Алан и бросил через плечо: — Ещё слово — и понесёшь вёдра сам.

Эта угроза показалась куда реальнее смерти, и Мэтис притих. Он шаркал кедами по асфальту и наслаждался ветром, хоть тот и пробирал до костей. Всё вокруг казалось нереальным. Вот что бывает, когда долго сидишь взаперти!

Вскоре похититель скрылся в подъезде, и Мэтис поплёлся следом, почти сразу сбив дыхание.

— Алан! — крикнул он в пролёт. — Здесь же никто не живёт. Почему ты так высоко забрался?

— С детства хотел жить на седьмом, — донеслось сверху.

— И вёдра таскать каждый день, — пробубнил Мэтис, а про себя добавил: «Сумасшедшие люди сумасшедшие во всём».

Тут он вспомнил, что Алан читает мысли, и порадовался, что отстал. К этому невозможно привыкнуть, как и контролировать каждую мысль.

На площадке между этажами Мэтис остановился.

— А можно я внизу подожду? — крикнул он. — Мне всё равно некуда идти! В городе меня сразу поймают!

Минуту в подъезде царила тишина, затем Алан спустился с пустыми вёдрами. По тому, как он шёл, казалось, исчезни пленник, он бы и не заметил. Даже обрадовался бы.

— Я понимаю, ты не можешь меня отпустить, — снова заговорил Мэтис. — Это разумно. Но не вечно же это продлится? Ты сказал, что не убьёшь меня. Тогда что?

Алан обернулся, вздохнул, но ответил спокойно:

— Не знаю. Сначала покончу с ублюдками, а там посмотрим.

Эти слова не очень-то обнадеживали.

— И скольких ещё ты собрался убить? — Мэтис не скрывал осуждения.

Алан молчал, но в его повадках читалась готовность уже сейчас кого-нибудь прикончить, например, этого назойливого пленника.

— Убийства не выход, — тише добавил Мэтис. Надо было сделать хоть что-то, пока безликий демон не изуродовал ещё чью-нибудь жизнь. — Слушай, я — медиум, ты — телепат. Вместе мы сможем собрать доказательства и отправить всех плохишей за решётку!

Он и сам не верил, что похититель согласится, но попытаться стоило.

Алан с грохотом поставил вёдра, развернулся, схватил Мэтиса за плечо и потащил наверх.

— Эй! Отпусти! — Мэтис дёрнулся. — Я сам!

Похититель дотащил его до квартиры и грубо втолкнул в коридор.

— Я просто предложил! — возмутился Мэтис.

— Закройся и не беси! — отрезал Алан. — У меня был слишком дерьмовый день, чтобы отговаривать себя от ещё одного убийства.

Дверь захлопнулась прямо перед носом пленника, щёлкнул замок. Поворчав проклятия, Мэтис заперся в комнате и упал на матрас. Помыться и переодеться он сможет и завтра, когда

чёртов псих уйдёт на работу. Сейчас лучше спастись подручными средствами: свернуться калачиком, закупорить уши наушниками, включить самую душераздирающую песню и сгинуть из реальности как можно на более долгое время.

Глава 80. Навязчивые мысли

Гудки в трубке были протяжными, резкими и действовали на нервы. Фор готов был слушать их вечно, лишь бы никто не ответил. Так и вышло: автоответчик предложил оставить сообщение.

— Перезвони, — мрачно произнёс Крис и, помедлив, добавил: — Сейчас не время расходитья по углам.

Он отложил телефон, сцепил пальцы в замок и упёрся в них подбородком. Со стороны могло показаться, что начальник отрешён, но телепат чувствовал, как он просчитывает варианты, и все они были неутешительными.

Фор не мог больше молчать и, сжав кулаки, спросил:

— После всего, что было, ты намерен с ним помириться?

Крис смерил его раздражённым взглядом.

— А что тебя не устраивает? Он нужен нам, а мы ему, нравится это тебе или нет.

— Он же нас чуть не убил! — Фор не мог поверить, что наставник это игнорирует. Меньше всего на свете ему хотелось снова повстречаться с бывшим начальником безопасности.

— Да все повели себя как идиоты! — Крис всплеснул руками. — Гейб полез к Оуэлу и Рина с собой потащил, а я, идиот, это ему позволил! Сван стащил пистолет и решил пострелять в самый неподходящий момент! Ты, вон, тоже молодец: нет чтобы с глаз уйти и не высываться! Разве что мишень себе на лбу не нарисовал, маяча перед Хардли! Но Лорквелор всех превзошёл! Это же надо было придумать — уволить Хардли, когда у него за воротами полчище киллеров! Редкостный гений!

Он хотел добавить, что разгрести всё придётся ему одному, но сдержался. Жаловаться непозволительно. У занятого человека нет времени на самокопание. Ещё не всё потеряно. Вернее, ещё есть что терять.

— Прости... — Фор втянул голову в плечи. — Я не знаю, что на меня нашло.

— Массовое помутнение! — буркнул Крис и уже тише добавил: — Я знаю, как ты относишься к Хардли, но пойми, он взвёлся не на пустом месте: не ожидал получить нож в спину. Всё это представление он устроил не для вас.

— Я понял, Крис. — Фор нашёл в себе силы говорить прямо. — Но он всё равно садист и убийца.

— Я и сам не в восторге, но что прикажешь делать? Не важно, на какой куче денег ты сидишь, если нет того, кто её охраняет. — Крис зажмурился и потёр висок. — Мы столько лет просидели тут не потому, что я умею ослепительно улыбаться. Мы не можем спихнуть его за борт, скорее оттолкнёмся и сами слетим с лодки. Будь умнее, Фор. Хардли решает проблемы на единственном понятном ему языке, поэтому ему нужен я, чтобы мыслить шире и гуманнее. Теперь он не станет слушать ни меня, ни Лорквелора. Бешеный пёс, спущенный с цепи.

Крис потянулся к телефону, но передумал и упёрся подбородком в кулак. Полминуты он просидел под красноречиво подавленным взглядом Фора.

— Если ты помогать пришёл, помогай, иначе уйди и не нагнетай! — сердито бросил Крис. — Не тебе разбираться с Оуэлом и СБО, не тебе умирять Хардли, не тебе сообщать родителям Рина, что их сына больше нет, так что, если не можешь помочь, хотя бы избавь меня от упрёков! Дай заняться делом!

— П-прости! — Фор в приступе стыда и жалости отступил к двери и упёрся в неё лопатками. Он не хотел сделать хуже.

Крис и сам был собой недоволен, и хватило одного слова, чтобы его недовольство переросло в ненависть. Это было чудовищно несправедливо! Он жил по принципу: «Делай

страстно!». Всё, за что он брался, выполнял на тысячу процентов, иначе считал, что и браться не стоило. Он горел на работе, вёл несколько проектов, держал связи в бизнесе и СБО, воспитывал Витольда и охранку, неустанно трудился над уютом Пегого Дола. Фор знал, что даже ручки для шкафчиков в уборных подобраны им лично и с душой. Вряд ли всё сложилось так скверно по вине Криса. Скорее, без него было бы во сто крат хуже.

— Это ты меня прости. — внезапно проворчал Крис, не поднимая глаз. — Сижу, брюзжу, срываюсь на тебе без причины. — Он в последний раз посмотрел на молчавший телефон и открыл ноутбук.

Но Фор пришёл не только за этим. Он хотел узнать о Мэтисе: как идут поиски, рассказал ли что-нибудь Вивер; но понимал, что едва заикнётся об этом, Крис выставит его взашей. Если бы он что-то выяснил, поделился бы сам. Так стоило ли стоять над душой, напоминая о ещё одной невинной жизни?

Демоны скребли на сердце. Фор знал, что Мэтис даже не в первой половине списка дел. Крис хочет ему помочь, но для него гораздо важнее судьба обитателей этого дома.

— Всех не спасти, — сказал он однажды, — но этого и не требуется. Начни с себя и тех, кто тебе дорог.

Телепат знал, кто дорог наставнику, и список этот был довольно большим. В нём были не только воспитанники.

— Ты злишься на хозяина? — осторожно спросил Фор.

— Да как можно на него злиться! — Крис усмехнулся. — Я и на тебя не злюсь, несмотря на то, что ты пошёл и пожаловался на меня господину.

Фор смутился.

— Я думал, Краст его послушает... Но если он такой неуправляемый, почему вы...

— Не нашли ему замену? — перебил его Крис. — Ох, радость моя, а сам ты как думаешь?

— Ему бы это не понравилось.

— Таких людей либо принимают такими, какие они есть, либо убивают. А мы не поддерживаем убийства. — Крис поднял указательный палец. — К тому же Хардли таким не родился. Аделард растил его с детства и воспитал чудовище. Мы с Лорквелором до сих пор расплачиваемся за проделки его весёлого папаши.

— Ты — да, но хозяин всю жизнь сидит и ничего не делает! — не сдержал возмущения Фор. — Сначала терпел отца-тирана, потом — сумасшествие Морока, теперь — преступления Краста! Ты слишком хорошего мнения о том, кто этого не заслуживает.

— Спасибо, что напомнил, почему тебя называют Умником. — Улыбка Криса вышла горькой. — Только не превращайся в Гейба. Всё намного сложнее.

— Ланд-Кайзер не в себе! Он помешан на телепатии! И разве можно применять телекинез на людях?!

— Все твои познания о телекинезе ограничиваются детскими страхами Верна, — всё так же снисходительно парировал начальник. — Не сделай он этого, Хардли непременно бы кого-нибудь убил. Некоторые люди понимают только силу. Я об этом забыл, но спасибо Лорквелору, что напомнил. Это ли не доказывает, что он в здравом уме?

— Ты бесконечно ему доверяешь, — с упрёком сказал телепат.

Крис посмотрел на него устало, но с теплотой и с мольбой.

— Он рос у меня на глазах, как и ты. Он хороший человек, я это знаю. С каких пор ты стал таким предвзятым? Лорквелор сказал тебе, что ты нормальный, и это дало тебе право донимать меня каверзными вопросами?

Фор не ответил, потому что всё так и было.

— Я тебе это каждый день твердил. Может, и я теперь сумасшедший? Радость моя, я повидал много мерзавцев и хороших людей. Лорквелор — один из достойнейших уже хотя бы потому, что дал мне возможность находить таких, как вы, и давать вам шанс выжить.

Фор лучше других знал об этой стороне начальника. Крис регулярно выкупал людей, и дело не ограничивалось охранкой. Чаще это были дети и молодые девушки; доверенные возвращали их домой. Тем, кому некуда было податься, вручали паспорта, отправляли в пансионаты, лицеи, устраивали на работу. Детей с необычной психикой купить было сложнее: многие из них оказывались неприспособленными к жизни, да и нельзя было вызывать лишние подозрения у СБО. Всех не спасти, но Кристиан Ллойд пытался.

— Ты этого не знаешь, так что садись и слушай. — Крис отодвинул ноутбук. — Ты ведь уже догадался, что мы с Филиппом были заодно?

Фор пожал плечами, потом кивнул. Знал он мало, понимал ещё меньше, но общее представление имел.

— В самый неподходящий момент в имении Ланд-Кайзеров поселился телепат. Мы об этом, конечно же, не догадывались. Морок всё время загадочно улыбался, наблюдал за всеми, а потом пошёл к Лорквелору и рассказал, что его слуги задумали нечто грандиозное и крайне преступное. На этом всё должно было кончиться.

— Хозяин знал? — Фор смутился, сам не понимая почему.

— Тогда он ещё не был хозяином — всего лишь его старшим сыном, — поправил его Крис, — и ему хватило бы одного слова, чтобы нас закатали в бетон. — На его лице появилась задорная улыбка, совсем не подходящая случаю. — Но Вайс, как мы его тогда звали, всегда был человеком... своеобразным. Выслушав друга, он первым делом вызвал меня и попросил объясниться, а ещё протянул отцовский револьвер. Сказал: «Если хочешь меня убить — стреляй, но только не в спину». Патронов, кстати, там не было, но я не стал указывать Вайсу на этот сущий пустяк. Он никогда не разбирался в оружии.

— И что он сделал, когда ты отказался?

— Ничего. Мы просто поговорили. — Крис непринуждённо развёл руками. — Я никогда не желал зла ни ему, ни его брату, ни матери — наоборот, искал способ их защитить.

Фор давно подозревал, что у начальника был роман с мачехой нынешнего хозяина. В юности она была популярной бразильской певицей — Витория Феррейро ди Ломпас. Брак с Аделардом поставил крест на её карьере, но подарил двух сыновей: приёмного Лорквелора, лишившегося матери при рождении, и родного Лоренца, отца Витольда. Фор видел её только на фотографиях и не осуждал. С годами муж совсем забыл дорогу к её спальне, проводя ночи с наложницами, и темпераментная женщина не осталась в долгу.

Внезапно лицо Криса снова помрачнело.

— Так что же случилось? — не выдержал Фор.

— Мне не удалось разубедить Филиппа. — Крис хмыкнул, глядя в окно. — Мы с Лорквелором оба против насилия, поэтому позволили всем уйти с миром. Я сделал всё, чтобы в доме не осталось сторонников Филиппа, но он не оставил попыток.

— То, что случилось с Аделардом, это из-за него? — настороженно спросил Фор.

— Не знаю. — Крис скривился, будто хлебнул кофе на прокисших сливках. — Меня там не было. Лорквелор сказал, что в тот вечер отец кричал на него, угрожая револьвером. Он был в ярости, узнав, что сын начал колоть вакцину, да и от смерти Лоренца ещё не оправился. Причин хватало. Лорквелор отвернулся, чтобы уйти — он всегда так делал, когда не видел смысла продолжать разговор. Аделард продолжил кричать, а потом выстрелил себе в висок.

На лице Криса застыло искреннее недоумение.

— Краст считает, что это Морок внушил ему застрелиться, — поделился Фор. — Якобы хотел, чтобы Лорквелор унаследовал всё и мог финансировать его исследования.

— Но Ларду нравился Тед, он сам ему деньги давал! Это же бред какой-то!

— Но Оуэла там ведь уже не было?

— Не было. — Крис помолчал. — Хотя... он был повсюду. Око за око. Надо было сразу заподозрить его, когда Лоренц пристрастился к наркотикам. Я не сомневаюсь, что это Филипп

свёл его в могилу и это его люди выбросили Айелет из окна. Не было у неё никакой депрессии, и вовсе не она пыталась задушить Витольда подушкой, скорее, пыталась его защитить. Мальчик выжил лишь потому, что на шум явились другие слуги. Дворецкий сделал вид, будто пришёл первым, но это было его рук дело. Я не знал, что Филипп завербовал и его! И уж конечно, это кто-то из его псов однажды ворвался в номер Витории и исполосовал её ножом, оставив мне персональное послание. Вот какой он грандиозный мститель! До Аделарда не добрался, но бросился наказывать женщин и детей.

Нужно было срочно сменить тему, но Фор как никогда хотел докопаться до истины — настоящей истины, не зависящей от личных симпатий и привязанностей.

— Ты веришь, что Морока свели с ума намеренно? — прямо спросил он.

Крис в растерянности моргнул.

— Кто я такой, чтобы ставить диагнозы? — иронично изрёк он. — До сумасшествия он казался нормальным — резкий, язвительный, чертовски пронизательный. У него был учёный ум, так что он вполне мог сам решить ставить опыты на людях. И это, знаешь ли, не признак безумия. А ещё у него была ранимая душа мечтателя, так что с ума он мог сойти и сам.

— Тогда почему Ланд-Кайзер заявляет обратное? — Фор буквально требовал объяснений.

— Потому что безумие Морока началось ровно тогда, когда стало выгодно СБО. У Лорквелора есть причины считать, что его друга умышленно демонизировали, точнее, подтолкнули к тому, чтобы он стал показательным телепатом, неуправляемым и очень опасным. Я видел Морока в худшие дни — он не был здоров безо всяких преувеличений.

Фор помолчал, переваривая.

— Просто у хозяина на всё своё мнение, — наконец пояснил он, — и оно уж очень удобное. В смерти отца он не виноват. Эксперименты над людьми поощрял от безграничного доверия. И даже Морок лишь жертва внушения.

— Ты меня поражаешь! — с мрачным восхищением протянул Крис. — Я никого не оправдываю. Аделард не мог застрелиться сам. Этот подонок слишком любил жить — он скорее извёл бы всех вокруг. Конечно же, ему помогли! Надо ли говорить, что было много желающих? Но это был кто угодно, только не его сын, не выносящий крови и насилия. — Внезапно он замер и приподнял бровь. — Я смотрю, у людей входит в моду стреляться, насоздавав проблем. Лард, Верон... Морок пошёл ещё дальше — создал своё величайшее творение, которое его и зарезало. Одни ненормальные кругом!

Крис театрально откинулся в кресле и посмотрел на Фор.

— А ты, радость моя, ищешь врагов не в том лагере. Решил о телепатах поговорить? Ну так что же... — Он демонстративно пододвинул ноутбук. — В случившемся десять лет назад есть и моя вина. Я несу такую же ответственность. Мы хотели решить вашу проблему раз и навсегда. Это была мечта Вайса, а для меня — способ сделать что-то значимое, попытка пережить прежние неудачи, создавая. Это могло спасти сотни жизней, но всё полетело к чертям, словно мы оба прокляты и разрушаем всё, к чему прикасаемся. Если собрался винить Лорквелора, то вини и меня, но мой тебе совет: прекращай искать виноватых. Лучше займись чем-то полезным.

— Мне бы очень хотелось поверить хозяину, — виновато признался Фор, — но не получается. Просто он не от мира сего.

— Так и есть. — Крис усмехнулся. — Лорквелор с детства странненький, но он хороший человек. В этом не сомневайся. А теперь хватит меня отвлекать, иначе решу, что Филипп уже и в твою голову забрался!

— А он на такое способен? — Фор захватил ужас.

— Не знаю. — Крис помолчал, а потом мрачно повторил: — Не знаю.

— Но ты убрал револьвер из стола, — заметил телепат. — Перепрятал подальше, в сейф.

Повисла очень неловкая тишина. Она тянулась и тянулась, пока Фор не прервал её стыдливым признанием:

— Мне страшно, Крис.

— Всё, ты напросился! — Начальник вскинул брови, готовясь выдать историю из тех, которые ненавидели все воспитанники. — Был у меня знакомый — руководитель отдела в крупной компании. Хороший мужик. Но однажды ему почудилось, что его хотят заменить. Он постоянно об этом твердил, всюду искал доказательства. И находил! То не так на него посмотрят, то двусмысленно скажут. В итоге он настолько погряз в паранойе, что перестал нормально работать, и его действительно уволили — не потому, что хотели, а потому, что он стал невыносимым. — Крис широко улыбнулся. — Навязчивые мысли вредны без всякого ментала, фильтруй их. Помни, что важно, и делай, что должен. А теперь оставь меня, мне надо работать.

— Извини. Ты прав! — Фор встрепенулся. — А я что могу сделать?

— Ну, с Хардли ты, очевидно, не справишься. Вот что: пойди убедись, что с ребятами всё в порядке. Нам только новых глупостей не хватало!

— Гейб думает, что все его ненавидят, — тут же выпалил Фор.

— Значит, пусть почувствует, что это неправда. — Крис поднял палец в своём фирменном жесте. — Сейчас не время винить себя и друг друга.

Они оба посмотрели в окно не сговариваясь. Теперь, когда Краст ушёл и прихватил с собой всех наёмников, нельзя было терять бдительность ни на секунду. На охранку свалилось много работы. Верн следил за периметром, Сван с Грэгом приходили в себя, Гейб лежал в медпункте после обезболивающего, там же перевязывали Руно. Искать новую охрану, позаботиться о покойном — всё это должен был Крис. Слишком многое на него свалилось.

— Я мигом! — пообещал Фор. — Удостоверюсь, что всё хорошо, и вернусь. А ты пока набросай мне список.

Он знал: начальник найдёт ему занятие и будет бесконечно рад помощи.

Глава 81. Чему верить?

Мэтис подошёл к решётке и выглянул в окно. Над лесом царила ясная осенняя погода, хранившая отпечаток дождя. Свежесть с промозглостью туманом оседали между соснами. Наблюдая за этой унылой картиной, медиум ощутил, что у него болит горло. Не хватало ещё разболеться! Он вышел из комнаты, собираясь выпить чаю, чтобы уничтожить простуду в зародыше.

На кухне его дожидался горячий чайник с остатками кипятка. Замочив пакетик, Мэтис сел на табурет и мечтательно надкусил печенье. В доме мало-помалу появлялась еда помимо макарон. Что-то подсказывало: дальше будет лучше. Быть может, то проснулся оптимизм, а может, доселе недоступный дар предвидения. А что, если удаётся видеть прошлое, то почему бы и в будущее не заглянуть?

Медиум весь день провёл в видениях. Опять насмотрелся ужасов и заодно подсмотрел за похитителем. Безликий демон оказался учителем.

«Ну что за банальность! — Мэтис скривился от этого открытия. — И куда только министерство образования смотрит?! У него же на лице написано, что он психопат!»

Мэтис обрадовался и огорчился одновременно: два года он мечтал расследовать это грандиозное дело и теперь валялся на матрасе, узнавая новые подробности без всяких усилий.

Весь день он ждал возвращения Алана, рассчитывая снова завязать разговор. Главное, чтобы тот не был, как обычно, не в духе. Утро началось не с запахов кофе и сигарет, а со звуков: грохота чайника, чертыханья, чирканья зажигалки. Казалось, за стеной заработал машинный цех, а не один-единственный человек собирался на работу.

Мэтис широко зевнул, глядя в окно, и долго искал анкх — тот перекрутился на шнурке и зацепился за крупную вязку свитера. Последние дни оказались лучшими за долгое время. Душ, чистая одежда и пачка печенья подняли настроение, а воспоминания о пережитом потускнели. Даже обида на Фора показалась надуманной. В конце концов, он желал Мэтису добра, хоть и выбрал идиотскую стратегию. Не все же рождаются гениями, да и благими намерениями выслана дорога известно куда.

И тут щёлкнул замок.

— Я здесь! — крикнул Мэтис вместо приветствия.

Алан молча заглянул на кухню, убедился, что воды снова нет, выставил вёдра в коридор и пошёл переодеваться.

— Давай помогу? — Мэтис вышел следом.

— Как в прошлый раз? Нет уж, спасибо! — донеслось из зала.

— Ну тогда я макароны сварю, — не отставал Мэтис. — Кстати, если раздобудешь продукты, я могу и что-то получше приготовить. Что скажешь?

— Скажу, что пора ставить на дверь ещё один замок.

— Зачем?

— С внешней стороны. Чтобы ты не высовывался, когда раздражаешь, — пояснил Алан. Мэтис улыбнулся, хоть и не видел его.

— То есть всё время? Тогда и окно заколоти за компанию.

— Точно. Завтра же привезу доски.

Разговор налаживался. С безопасного расстояния общаться с телепатом было не так уж сложно.

— Я хотел спросить... — осторожно начал Мэтис. — Ты же знаешь, что ты лунатик? Ну, бродишь по ночам, стоишь с ножом у решётки.

Алан молчал секунд десять.

— Я не просто так просил тебя не выходить из комнаты, — наконец ответил он.

— Это я понял. Ты поэтому и живёшь здесь, в этой дыре, чтобы случайно не зарезать соседей?

Тишина показалась пленнику слишком уж долгой. Тема Алану явно не нравилась.

— Просто... — Мэтис собрался с духом. — Это всё ненормально. Я не осуждаю, но... ты не пробовал к врачу сходить? К психологу?

— Не испытывай моё терпение! — жёстко отрезал Алан. Он вышел в коридор и принялся возиться с ключами. — Со мной нельзя.

Мэтис отступил на кухню. Оставалось только заняться ужином. Сдаваться он не собирался, просто пока не нашёл подход, да и можно ли словом остановить круговорот жестокости? Мэтис представил, как подходит и говорит: «Привет, Алан! Вижу, у тебя много книг. Кстати, я тоже люблю читать, особенно те истории, где герой прислушивается к голосу разума и отказывается от мести!».

Ирония заключалась в том, что не один безликий демон сеял разрушения. Даже если бы он исчез, Мэтису всё равно нельзя было возвращаться домой. Его почему-то хотели убить. Вот в чём стоило разобраться в первую очередь.

На макароны не хватало воды. Мэтис вздохнул, ушёл в комнату и улёгся на матрас. Ему стало зябко, и он закутался в одеяло, но не успевал провалиться в сон: Алан то и дело хлопал дверью. Когда тот вернулся окончательно, Мэтис нашёл силы подняться и заглянуть на кухню с видом нашкодившего кота, проверяющего, забыл ли хозяин былое или готов запустить тапкой.

Алан уже сам вымыл посуду и драил губкой стерильную столешницу. Выглядел он злым, но опасных предметов под рукой не держал. Глаза цвета мазута метнулись на пленника, про сверлили его насквозь и снова упёрлись в несуществующую грязь. Движения стали ожесточённые, словно он тёр не столешницу, а приставучего медиума лицом об асфальт.

— Я бы убрал, честно, — пробубнил Мэтис.

«Сейчас ещё полы везде перемоеет», — догадался он.

— Ал, а ты не в курсе...

— Я тебе не «Ал», ясно? — огрызнулся Алан.

— Как скажешь. — Мэтис поднял руки в примирительном жесте. — Я просто хотел спросить... — Он вздрогнул под уничтожающим взглядом, но продолжил: — Почему тот человек, который работает на Ланд-Кайзера, хочет меня убить?

— А тебе твой приятель-телепат не рассказывал? — Алан приподнял бровь.

— Приятель-телепат? — переспросил Мэтис. — О чём ты? Я не знаю ни одного телепата, кроме тебя.

Алан долго смотрел на него, словно ставил диагноз.

— А-а, даже так, — наконец протянул он.

Но Мэтис уже прицепился к словам и пытался отыскать в них смысл. О каком приятеле шла речь, да ещё и знающем о мотивах Краста? Во всём Пегом Доле у него был только один друг — Фор, но не мог же Алан иметь в виду именно его? Да, Фор наблюдательный и понимает с полуслова, но будь у него телепатия, Мэтис давно бы заметил.

Он постоял, поморгал, и ему стало дурно.

— Фор — телепат?!

Алан тяжело вздохнул и отложил губку.

— Технически, ты тоже телепат, и нас таких не любят. А если конкретнее — уничтожают, как вид. — Он произнёс это раздражённо и совершенно серьёзно, но Мэтис не слушал.

— Фор не может быть телепатом! Он же... он же...

— Ну, значит, он чертовски хорошо притворяется, — подвёл итог Алан и отвернулся к плите. — И весьма неглупый.

— Он врал?!

Мэтис чуть не взорвался. Одно дело умалчивать о преступлениях работодателя, другое — скрывать от друга свою сверхспособность, когда тот открыто делится своей. Не доверял? Считал глупым?! Медиум продолжил бы бушевать, но внезапно задался куда более важным вопросом.

— Ты что, виделся с Фором?! — Холодный озноб пробрал его до костей. — Ты же не убил его?..

Алан не потрудился ответить. Казалось, макароны интересовали его больше чьей-то участи.

— Что ты с ним сделал?! Говори! Я же всё равно узнаю!

— И за что все не любят телепатов? — философски проворчал Алан. — Твой дар гораздо хуже.

— Ответь!

— Да ничего я ему не сделал! — огрызнулся убийца, не отвлекаясь от готовки. — Мимо проходил, пообщались. Просил привет передать.

— Чего?.. — Мэтис опешил. Его так и тянуло сесть на табурет, чтобы ненароком не грохнуться на пол.

— Это шутка, — внезапно успокоил его Алан. — Он ищет тебя, но понимает, что это опасно.

Эти слова стали для Мэтиса бальзамом на душу. Фор жив и ищет его. Правда, это не отменяло того, что он подлый лжец, предатель и... телепат!

— Я не голоден, — мрачно заявил Мэтис и пошёл в комнату.

— Уверен? — донеслось ему вслед. — А то я котлеты уберу в морозилку.

Пленник замер, услышав волшебное слово, и быстрым шагом вернулся на кухню.

— Какие котлеты?

Проследив за жестом Алана, он открыл холодильник и увидел коробку с полуфабрикатами. Это было в десять раз лучше печенья!

***

«Фор — телепат». Это была первая и единственная мысль, когда Мэтис снова растянулся на матрасе. Он был сыт, но продрог после душа и теперь ждал, когда свитер и одеяло его согреют. Однако ни страдать, ни наслаждаться теплом не удавалось. Кое-что оказалось гораздо сильнее.

Мэтис пытался убедить себя, что это неправда. Алан мог ошибиться. Можно ли верить словам сумасшедшего? Но похититель говорил мало и всегда прямо. Пленник поверил, и это было страшнее всего. Теперь, когда разгадку сунули под нос, картина начала стремительно проясняться: вечно встревоженный вид, желание сбежать, когда друг не в духе, предугадывание слов и действий... А ещё Фор так уверенно говорил о телепатии, что не оставалось сомнений: он знал о ней не понаслышке. И о психдиспансере он тоже всё знал, потому и ушёл с вечера страшных историй. Мэтис, сам того не желая, рассказал ему сказку о безумном учёном, которая процентов на девяносто состояла из правды.

— Всё будет хорошо, — твердил Фор, хотя лучше других знал, насколько всё плохо, опасно и бесприсветно, ткал иллюзию поддержки и понимания, восхищался даром друга и при этом сам обладал не менее удивительными способностями. Он врал об одном, недоговаривал о другом, но почему? Боялся? Безусловно, но это не было оправданием.

«Я же что-то увидел о нём! — внезапно вспомнил Мэтис. — Он понял это, вот и ушёл».

Медиум тогда отвлекся, не записал увиденное, и поэтому тут же забыл, как бывает со снами. Вроде кого-то убили, а Фор стоял рядом. Позже Мэтис решил, что это подтверждает то, что друг связался с опасными людьми. Но в его мысли всё время вторгался безликий демон, и

видения возвращались к нему. Может, теперь, когда его тайна раскрыта, удастся подобраться к другой?

Вторгаться в прошлое живых у медиума получалось редко. Он и сам не понимал, как это ему удаётся. Пришлось прокручивать в памяти многочисленные прогулки с Фором, блуждания по лесу, общение в «Антикваре», заседания книжного клуба — сотни моментов, которые невозможно обесценить. Несмотря на ложь, Фор был хорошим другом — чутким, понимающим, уважающим чужие границы, слишком робким, воспитанным и добрым. Никто не смог бы так притворяться. Теперь, вспоминая его вечно обеспокоенный взгляд, Мэтис почувствовал себя бездарным детективом и отвратительным другом. Он жил своими потрясениями, не замечая, что творилось на душе у Фора. Но почему тот молчал? Почему не объяснил? Чего боялся?

За дверью кладовая. Магнит на полу. Мальчишка в костюме хватается за дурацкую папку и застывает, в ужасе распахнув глаза. Тем лучше.

Выстрел. Энзо справится со вторым.

Что за...

— Телепат? — вырывается само собой. Подумать только?! — Мать его, грёбаный телепат!

Энзо? Он корчится на полу, захлёбываясь кровью.

Магнит! Застрелить обоих.

Пуля вонзается в голову, разрывая в клочья мысли.

Мэтис вскрикнул и распахнул глаза.

Именно это он видел в тот день, когда в последний раз встретился с Фором. Кто-то узнал, что Фор телепат, и его застрелили.

«Так он поэтому не брал трубку? Боялся, что начну задавать вопросы? А я всё равно начал... Вывалил всё в голосовых! Неужели из-за этого меня решили прикончить?!»

Больше не удалось увидеть ничего: видения, как назло, не приходили. Оставалось только гадать и выстраивать логические связи. Если негодяи убивают телепатов или заставляют на себя работать, почему медиума отпустили? Потому что решили, что он бездарен? Объяснение одно: Фор врал всем. И на что он только надеялся? Что Мэтис дурак и ничего не узнает? Зачем тогда вообще с ним общался? Чтобы контролировать?

А учитель Фейст? Он-то точно видел, что у Мэтиса есть дар!

«Чем дольше я к нему ходил, тем реже случались видения», — родилась самая жестокая мысль.

Никому нельзя было доверять. Мир воистину ужасен и безнадежен.

Глава 82. Моменты

Когда от роившихся в голове мыслей могла спасти только работа, непременно нужно было случиться празднику. Неотвратимый День учителя наступил, и в честь него лекции проводили студенты, а не преподаватели — изощёренное издевательство вместо полноценного выходного.

У Алана была личная причина не любить этот день. Освобождённый от занятий, педагогический состав обязан был присутствовать на собрании, потом на концерте, а там уже и коллеги начнут зазывать на застолье. Но раз всё в жизни пошло не по плану, отчего бы сегодня не случиться чему-нибудь хорошему? Вдруг всех заставят работать внеурочно? Было бы чудесно! Но Алан с детства не верил в чудеса.

Ко всему прочему, он потерял резинку и теперь щеголял по коридорам с распущенными волосами, собирая комплименты. Всем, от завуча до студентов, резко понадобилось делиться мнением, и каждое сводилось к тому, что ему идёт. В честь праздничного помешательства все нарядились и, наверное, решили, что он тоже расстарался. Алан лишь раздражённо скалился и торопился в свой кабинет.

Там на доске большими буквами красовалась тема сочинения: *«За что мы любим мистера Фокса»*. Автору этой шутки от преподавательской мести теперь не спастись.

— Это не я! — сразу оправдалась староста третьего оркестрового Келли Райли, умница и отличница.

— Сотри меня и замени на Флобера, — попросил Алан, ухмыляясь своей изобретательности.

— А если мы его совсем не любим?! — возмущённо спросил другой студент.

— Значит, уважаемый, у вас ещё всё впереди. — Алан вытащил из портфеля стопку тетрадей и положил на стол, выровняв до совершенства. — А ты, Келли, расскажи им на примере госпожи Бовари, что бывает с теми, кто читает глупые книжки, и принеси потом их опусы в учительскую.

— Конечно, мистер Фокс. — Староста бойко кивнула. — Кстати, с праздником вас!

Алан хотел скривиться, но сдержался. На него смотрели оленьими глазами и источали благоговение, будто и вправду желали всего того бреда, что желают по праздникам. И всё же он позволил себе ухмылку, глядя на огненно-рыжую отличницу в кожаной куртке и лакированных ботинках на шнуровке — так в его юности одевались только хулиганки. Однорупники частенько называли Келли фурией и шутили, что в футляре от скрипки у неё дробовик.

Оставив класс на совесть студентов, Алан отправился в малый зал. Он шёл мимо шумных учащихся, мимо танцевальных классов, мимо стендов с плакатами и фотографиями. Отчего-то ему нравилось это светлое место: большие деревянные подоконники, фортепиано почти в каждом классе, гримёрка в пристройке за сценой.

— Вихтори, не сиди на полу, — по привычке бросил Алан, проходя мимо гитариста с чёлкой на пол-лица. Тот, если не вытирал штанами коридоры, то пел в «Антикваре», влюблённо поглядывая на официантку. Ещё один персонаж, и таких здесь водились сотни.

Из гримёрки доносились весёлые голоса, смех, бряцанье и дребезжание. Старшекурсники развлекали первогодок.

— Мистер Фокс! — донёсся радостный возглас. — С праздником!

В коридор выбежал Анджей с гитарой на ремне. От колков, точно кошачьи усы, во все стороны торчали неподрезанные концы струн.

— Это у вас в честь праздника Прокофьева не отличить от гранжа? — усмехнулся Алан, заглянув в гримёрку.

— Не обижайтесь, но вы ничего не смыслите в музыке! — рассмеялся Анджей. — Это «готик блэк метал». Я вам как-нибудь в сочинении расскажу.

— Боже упаси! — Алан шутливо открестился и пошёл дальше.

Для человека, любящего свою работу, собрание должно быть событием вдохновляющим. В реальности же руководство перечисляло распоряжения свыше и искало, на кого бы спихнуть ответственность. Участники единодушно пытались слиться со стенами и радовались, когда их не замечали. Надо ли говорить, что никто из собравшихся не горел желанием выслушивать в этот день скучные объявления?

Новая документация? Прелестно! Изменились требования к аттестации? Великолепно! Кто-то из коллег простудился и просит заменить? Неудивительно. А в финале каждому вручили по грамоте от министерства и по коробке конфет с бутылкой — всё что угодно, лишь бы не давать премию.

Потом — актёрский зал и концерт. Песни, танцы, пародии — каждая группа состязалась в креативности, посвящая номера преподавателям и припоминая им всё «лучшее» за прошлый учебный год. Жертв обильно поздравляли со сцены, не жалея сатиры, и под конец вручали букеты. Всё равно что лечить нервы валерьянкой, а экзистенциальный кризис — ириской.

Наконец настал черёд третьего курса ВИА, чьим классным руководством был «осчастливлен» Алан. На сцену вышла группа ребят и села в три ряда, изображая класс. Студенты непринуждённо загалдели.

— Слышали? Препоп по матеше заболел!

— Отлично, контрольной не будет!

— Ага, ваще супер!

— Интересно, а кто на замене?

Декоративная дверь отворилась со скрипом, достойным фильма ужасов. Вошёл Анджей в ужасном белобрысом парике. Студенты вскрикнули и вжались в спинки стульев, пригвождённые знаменитым «убийственным взглядом». Зал засмеялся. «Учитель» демонстративно провёл рукой по шевелюре. Алан закатил глаза.

— М-мистер Фокс, — пролепетал один из студентов. — А вы и м-математику знаете?

— Поживи с моё — во всём начнёшь разбираться, — театрально произнёс Анджей.

— Даже в женщинах?

— Нет, уважаемый, здесь любая наука бессильна. — Он сделал невероятно пошлую паузу, давая залу время для смеха. — Открываем тетради и пишем сочинение...

— По математике?! — хором изумился класс.

Анджей окинул их хищным взглядом и вальяжно развёл руками:

— После урока черчения вы ещё чему-то удивляетесь? — Ещё одна пауза под хохот зрителей. — Итак, пишем сочинение на тему «Как мне пригодится в жизни синус угла тридцати градусов». С вас три листа вразумительного текста.

Анджей стал ходить между рядами и заглядывать в открытые тетради.

— А это что за модернизм?! В слове «угол» четыре буквы, а не одна закорючка! Мне иероглифы не нужны, пишите человеческим языком! А вы, уважаемый... — «Учитель» навис над одним из студентов. — Неужели цифры буквами писать не умеете? Да вам не математика, а подготовительная группа детсада нужна!

Зал то хихикал, то хохотал. Зрители то и дело оборачивались на Алана и встречали его пресловутый взгляд и очень недобрую ухмылку. Пару шуток он запомнил надолго.

Несколько минут Анджей потрясал париком, изводил класс, зачитывал перлы из сочинений, а под конец объявил, что физрук тоже заболел и мистер Фокс уже вызвался его заменить.

Алан сдержанно похлопал, ухмыляясь. Он пообещал себе не остаться в долгу и отомстить не менее изощрённо. В этом году хотя бы обошлось без песен. Превратись это представление в мюзикл, он бы получил психическую травму и не смог бы работать недели три: кто-нибудь

обязательно начинал бы напевать куплеты, встретив его в коридоре или прямо на занятиях, и не только студенты, но даже чёртов Томас Альтервиль — преподаватель ансамбля. Страшные люди эти музыканты!

После концерта Алан вовремя дезертировал — сбежал от застолья и душевных бесед. Ему хотелось кофе и одиночества. Последнего он был лишён с тех пор, как в доме поселился надоедливый медиум. Медиум! Какая жестокая шутка!

В «Антикваре», дожидаясь кофе, он задумчиво смотрел в меню, написанное мелом на доске, и чувствовал на себе взгляд официантки. Женщины всегда в нём что-то находили. Хищная внешность, казалось, должна была отталкивать, но застрявшим в рутине людям подавай острых ощущений. Для них очаровательная опасность — как стабильность для уставшего психопата.

Интересно природа рассудила: кому-то с рождения достаётся чудовищное обаяние, а кто-то годы работает над харизмой и не преуспевает. Первому оно даром не сдалось, второму, возможно, жизненно необходимо. В юности Алан относил себя ко вторым. Он был блеклой пародией на родителей, в основном на отца, а вот чёрные глаза достались ему от матери. Но самый большой след на нём оставила телепатия. Никто не мог объяснить, что с ним происходит, и он оставался проблемным ребёнком, пока ему не осточертело болеть. Он остро реагировал на всё, слышал эхо чужих ощущений, а перепады настроения случались с ним по сорок раз на дню, но жалобы не приносили облегчения. Продолжи он зацикливаться на вечном недомогании, его бы упекли в лечебницу. К счастью, на него всем было плевать. Предоставленный сам себе, он искал способы сохранить рассудок. Книги стали одним из них.

В юности быть странным значило усложнять себе жизнь. Сейчас все стремились подчеркнуть свою необычность, а Алан, наоборот, пытался не привлекать внимания и испытывал досаду, если не удавалось. Вот и сейчас он ждал кофе, стараясь не замечать реальность, отчего становился «задумчивым» и «загадочным» в глазах других: его отстранённость только разжигала интерес официантки.

Получив картонный стакан с пожеланием «Счастливых моментов», он наконец сбежал на улицу. Ветер с каждым днём становился холоднее. Ещё недели две, и придётся доставать пальто, хотя позавчера стояло пекло.

Алан неторопливо шёл по бульвару, попивая кофе. Теперь он парковался подальше от колледжа — в неприметных дворах среди пятиэтажек. Чем дальше он уходил от места, где чувствовал себя живым, тем отчётливее ощущал, что может туда не вернуться. Стоило задержаться на работе подольше. Всему на свете однажды приходит конец.

Теперь дорога лежала в недостроенный, всеми забытый квартал — туда, где невозможно было отвлечься от Мэтиса, Филиппа, Краста и Ланд-Кайзера. Мысли о них окунали в прошлое, в худшую и самую ненавистную его часть. Убежать от него было так же невозможно, как от ответственности за содеянное. Свобода, добытая высокой ценой и немалыми усилиями, всё больше походила на клетку.

Неподалёку от машины прохлаждались «защитники». Алан знал, что они и сами не рады, чувствовал и интуицией, и телепатией. Никто из них понятия не имел, зачем Филипп печётся о каком-то местном маньяке, от которого нет никакого проку. Им можно было только посочувствовать.

Почти до самого дома тёмный седан следовал за синим «Фордом», действуя на нервы. Алан уже устал злиться на Филиппа. Он готов был стерпеть многое, лишь бы ещё немного задержаться в своих «счастливых моментах».

Глава 83. Порочный круг

Мысли — самые медленные и безжалостные убийцы. Им не нужен нож, чтобы войти в сердце. Они терпеливо вскрывают вены в самых потаённых уголках души, заставляя человека истекать кровью там, где этого никто не видит. Никто, кроме телепата.

— Раздражаешь, — констатировал Алан, увлечённо глядя в тарелку.

Мэтис вздрогнул и поднял на него измученный взгляд.

— Как же мне не хочется, чтобы ты читал мои мысли!

— А как мне этого не хочется! — парировал убийца, со значением приподняв брови.

Вот и весь разговор!

Ещё вчера Мэтис хотел найти с ним общий язык, а сегодня уже ни капли не верил в себя. А что он мог? Его жизни пришёл конец. Оставалось либо вечно скрываться в лесу, либо надеяться на полицию. Только кто ему поверит?

«А у тебя есть доказательства, что те люди преступники?»

«Конечно! Мне об этом призраки рассказали!»

Мэтис фыркнул почти одновременно с Аланом. Вот так и проходил их очередной ужин.

Внезапно зазвонил телефон. На экране высветилось имя «Филипп». Алан резко встал из-за стола и ушёл разговаривать в зал, прикрыв за собой дверь: наверное, не хотел, чтобы друг или коллега узнал о его двойной жизни.

Обрадовавшись одиночеству, Мэтис поставил чайник, сходил за камерой и сел листать фотографии. На них улыбки друзей перемежались мрачными снимками, потом сменились унылым пейзажем за окном. Следом шли видеозаписи. Мэтис угрюмо запустил одну из них.

На экранчике замелькал пол и его ноги в носках. Камера совершила поворот и выхватила худое лицо со впалыми щеками и вертикальными шрамами на губах.

«Меня зовут Мэтис Вайерд, — заговорил взъерошенный репортёр. — Я — медиум-детектив. Уже второй день я нахожусь в плену у маньяка по прозвищу Безликий демон. Не знаю, сколько ещё смогу продержаться. Этот тип — настоящий псих!»

На звуки на кухню заглянул Алан, всё ещё держа телефон у уха. Его брови взметнулись, губы исказила кривая улыбка.

— Ладно. Пусть наберут, — произнёс он в трубку, оборвал звонок и продолжил любоваться репортажем из своей квартиры.

«...не знаю, где я. Вокруг лес, недостроенные дома. Может, какой-то посёлок, а может, квартал в Чёрных соснах. Пожалуйста, если найдёте это послание, сообщите в полицию. И передайте моим родным...»

Мэтис нажал на кнопку «стоп».

— Если я не удалю эту запись лично, каковы шансы, что она станет достоянием общественности? — иронично спросил Алан.

— Смеёшься? Я несколько лет доказывал в сети, что вижу призраков, и все надо мной ржали! — Мэтис с недовольным видом положил камеру на стол. — Даже если выложу это в блог, мне никто не поверит, да и сам знаешь: сунусь в город — мне конец.

Алан снова ушёл, а через пять минут вернулся переодетый — в рубашке и джинсах. Это могло означать только одно.

— Ты уходишь? — удивился Мэтис. — Уже почти стемнело. Ты что, опять идёшь убивать?

Алан не ответил. Он наливал кофе и даже не смотрел на пленника.

Мэтис попытался успокоить себя фактами: Пегий Дол хорошо охраняется, туда безликий демон не сунется. Но к кому тогда? Не к тому ли насильнику, чей адрес он сам ему дал?

— Ты ведь всё равно не слушаешь... — тихо заговорил Мэтис. — Просто знай: убийства ни к чему хорошему не приведут. Если человек ошибся или связался с плохими людьми, это не делает его злодеем. За это нельзя убивать.

— Ты это о друге? — хмыкнул Алан, наливая кипяток.

— И о нём тоже. Он лгал мне, пытался лишиться дара, но это не значит...

— Лишить дара?

— Я сам не до конца понял. Мне внушали не видеть видения. Понять бы, зачем.

— Это как раз-таки очевидно. — Алан поднёс кружку к лицу, вдохнул пар и скривился от отвращения. Кофе он и правда покупал отвратительный. — Никто не позволяет таким, как мы, свободно расхаживать по миру. Нас используют — делают подопытными или солдатами.

Мэтис растерянно смотрел на него.

— Почему он не мог сесть и объяснить, как ты сейчас?

— Наверное, не хотел, чтобы ты попал в его мир. — Алан пожал плечами. — Потому что этот мир очень жестокий. Но лгать нехорошо, это правда.

— Ты же не убьёшь его?

Алан не ответил.

— А остальных? Других ребят? Мистера Ллойда? Старика-профессора? Ланд-Кайзера? — Мэтис уже не сдерживался. — Может, тебе и попался один безумный учёный, но я ни разу не видел, чтобы Ланд-Кайзер занимался чем-то подобным! А я видел достаточно! Даже если он садист, его надо упрятать в психушку, а не кромсать ножом, как ты это привык!

Он замер, увидев в тёмном окне отражение убийцы — бледное лицо с острыми чертами и чёрными провалами глаз. Но видение грянуло быстрее ужаса.

Быть собой. С самим собой. Наконец-то!

Глаза закрыты, чтобы не видеть, а то вдруг окажется, что случившееся было сном? Что тогда? Хочется остаться здесь, раствориться в себе, ещё минуту, а может, и час. Теперь — сколько угодно.

Чёртов звук! Открывается дверь, в мир врывается свет. Ну почему? Опять смотреть на мир чужими глазами!

По углам расползается густая темнота. Свет излучает одна-единственная лампа, настолько грязная, что жёлтый ореол стал тускло-красным. Она вся залита кровью, но вошедший считает, что это ночник. У него плохое зрение, он щурится, присматривается и едва не наступает на бутылку; перешагивает, обходит лужу, думая, что это вино. Нет, это и правда вино — вылилось из бутылки. Он раздосадован и насторожен. Ждёт, что вот-вот явится хозяин. Думает, тот затаился или уснул за работой.

Белая, как у покойника, рука тянется к спинке кресла, прикасается, заставляет его повернуться. Долгий, заторможенный разворот.

Тело без лица восседает в кресле. Там, где раньше щурились пытливые глаза, где играла хитрая ухмылка, где проваливались щёки и тень ложилась на резкие скулы, где был точёный нос и ломаные линии бровей, всюду кровавое месиво: ошметки мышц, кожи, местами выглядывает череп, скалящийся безупречным рядом зубов. Вечная безумная улыбка под маской уродства и крови, испачкавшей всё вокруг, даже старую настольную лампу.

Что -то хрупкое, возможно душа, крошится внутри и ранит осколками. Лёгкие остро требуют воздуха. Руки немеют, их сводит судорога. Шаг назад, чтобы устоять. Головокружение. Пол и стены кажутся подвижными, а тело цепенеет: заклинивают суставы, стопорятся мысли. Бессилие, отчаяние и животный ужас.

Чужое сознание продолжает отравлять своими эмоциями, вырывать из тишины и покоя. Ресницы в засохшей крови, веки слиплись — приходится их разлепить. Нужно встать, опереться, оттолкнуться. Ладони утопают в липком мазуте пола, в патоке, что недавно

была частью человека. Ужасного человека. Из глотки вырывается смех... нет, тихий хрип. Зубы стиснуты до боли. Уже не хрип — шипение.

Он из последних сил оборачивается. Он — единственное белое пятно в преисподней, как неисписанный лист, побуждающий к творчеству. Забыв от ужаса, что задыхается, он тарашит на невидимого прежде телепата, возникшего из ниоткуда, из размазанной по углам тьмы. Кровь и темнота наложили на мир устрашающий фильтр, превращая людей в тех, кем они не являлись. Он вовсе не был безгрешным и чистым. А кто второй? Убийца. Он не является собой, как и тем человеком, на которого до невероятного похож в таких убедительных декорациях. Те же светлые волосы, тот же хищный вид, то же безумие в глазах. Он уже не понимает, видит ли себя или врага. Кто он? Я?

Хочется разорвать собственное лицо руками, но мешают мысли. Чужие мысли. В них ужас сменяется надеждой от узнавания. Он верит, что видит живого... Подводит плохое зрение. Надежда гаснет в нескольких шагах. Он медленно отступает, пятится до тех пор, пока не ощущает спиной стекло той ненавистной комнаты.

Хочется заставить его перестать... перестать смотреть, перестать чувствовать, быть... Хочется больше никогда не видеть этот оскал. Свой оскал? Хочется угаснуть вместе с этим, другим, и с чужим сознанием, уничтожая себя вместе с ним.

Остаётся расстояние в локоть. Он смотрит, как загнанный зверь — нет, как кролик в глаза голодного удава. Окровавленный палец касается фарфоровой кожи и чертит на ней тёмно-красную полосу.

Этому лицу не хватает красок.

Мэтис очнулся ровно в тот миг, когда в видении кто-то распахнул дверь. Всё походило на бред сумасшедшего, и дурно становилось уже от того, что это правда. Подвал диспансера, изрезанный Тед, не вовремя явившийся Ланд-Кайзер. Алан уже напал на него прежде, уже примерял маску смерти.

Не успел Мэтис осознать, что лежит на полу, как его ослепило продолжение. В нём мелькнул тот человек — бритый наголо, а следом Ллойд и ещё какие-то люди. Все они были там, в диспансере, а потом — темнота. Поездка в багажнике. Двенадцать выстрелов на лесной поляне.

Потребовались немислимые усилия, чтобы вцепиться в реальность и выбраться из омота. Когда медиум обрёл способность видеть по-настоящему, на кухне он был один. Похоже, Алан не стал смотреть кровавые этюды своего прошлого — ушёл на балкон, давиться кофе и сигаретой.

Застонав, Мэтис привалился к стене и потёр виски. Дар играл с ним злую шутку: показывал истину, но сводил с ума. Пошатываясь, он добрался до матраса, рухнул на него и тут же провалился в спонтанное забытьё. Снилось какая-то ерунда: он куда-то спешил, но всё сильнее опаздывал. Сон становился всё тревожнее, абсурднее и оборвался от истошного вопля.

За окнами стоял поздний вечер, почти ночь, но на улице орал машинный гудок. Не полицейская сирена — так сигналият лихачам или оповещают о прибытии. За безликим демоном приехали? Кто-то знал о его тайном логове?

Мэтис скинул одеяло, схватил балахон и выбежал в коридор. Алан уже подносил ключ к замочной скважине. Вид у него был сердитый.

— Кто это?

— Не твоё дело.

— Можно с тобой?

— Нет.

— Я не буду просить о помощи! Обещаю!

— Закройся и сиди тихо. — Алан обернулся, чтобы бросить на медиума строгий взгляд. — В твоих же интересах, чтобы эти люди тебя не увидели.

— Это враги?

— Они не сильно от них отличаются.

Он грубо отодвинул пленника и ушёл в ночь, закрыв дверь на два оборота. Мэтис пнул её и вернулся на матрас. Впервые за столько дней в заброшенном квартале появились люди. Если они враги, убьёт ли их безликий демон? Или он сам их позвал? Но зачем?

Увы, заглядывать в будущее или настоящее медиум не умел. Да и тошно было уже от видений! Такой усталости он не чувствовал, даже когда полночи готовился к экзамену. Но самым ужасным было другое: он ничего не мог сделать — только смотреть, как страдают и гибнут люди, как ненавидят и изводят друг друга. Ему хотелось уснуть и надеяться, что кто-то разомкнёт этот порочный круг, но он понимал: этого не будет никогда.

Глава 84. Искать виноватых

Каждая деталь служила мрачным свидетельством: ничто уже не будет как раньше. Охрана не патрулировала периметр, не мелькала у ворот. Домашние сидели по комнатам и молчали. На мониторах — пустые залы и коридоры. Разноцветные стикеры с «напоминалками» облепили экран. Из-за системного блока торчал пакет недоеденных чипсов, пара кружек дожидались встречи с раковиной, на соседнем столе пестрел перепутанный кубик Рубика, а рядом тоскливо лежали большие наушники, обклеенные яркими наклейками.

Охранка — последнее место, где Гейбу хотелось находиться, но теперь каждый человек в доме был на счету. Верна растолкали сразу после смены и вызвали к начальству. Грэг занял пост внешней охраны. Сван уже выполнял поручения Кристиана. Фора отдали во служение Тарсизам — видимо, только у телепата были для этого подходящие манеры. А Гейбу молча указали на охранку: сам ходит, взгляд осознанный — нечего прохлаждаться.

Его всё ещё подташнивало, но он старался не думать об этом. Ему вкололи лошадиную дозу лекарств и обещали, что скоро он будет как новенький. Это было неправдой: некоторые раны не исцелить. Внутри укоренились опустошение и лютое равнодушие ко всему, но стоило взглянуть на наушники, и порученное дело показалось наказанием — пыткой, которую он заслужил.

Экраны мониторов делила сетка одинаковых прямоугольников. В каждом — коридоры и комнаты с привычных ракурсов: безжизненные декорации, в которых прошли последние годы жизни. С каждым уголком было связано множество историй, весёлых и не очень. Мальчишки вечно влипали в неприятности, ссорились, дрались, но чаще дурачились, как обычные дети. В какой момент забавы кончились?

Охранка, зажата между коридором, офисом и западным крылом, провоцировала воспоминания. Здесь было лучше, чем среди людей, но всё равно очень паршиво. Пытаясь отвлечься, Гейб блуждал взглядом по изображениям с камер, выискивал кого-нибудь и нажимал на кнопку звука. Из наушников сочилась тишина и редкие скупые разговоры. Казалось, все избегали друг друга, боялись обронить лишнее слово, и создавалось впечатление, что всем запретили обсуждать случившееся и того, кто был во всём виноват. Гейб со злостью сжимал кулаки, но тут же морщился от боли в запястье: его вправили, но оно всё равно адски ныло и мешало в быту.

Из кабинета вышел Кристиан, побрёл по коридору через европейский зал и остановился в зелёной гостиной. Он говорил по телефону, жестикулируя свободной рукой, и вдруг замер, подняв глаза на портрет над камином. Гейбу показалось, что начальник смотрит прямо в камеру. На него. С давящим осуждением.

Белобрысому захотелось уйти. Встать, схватить куртку и умчаться прочь. Забрать припрятанный шприц, пробраться в НИИ и вонзить иглу в глотку одному мерзавцу! Двум. Пожалуй, их там гораздо больше. Должно быть, отравы давно протухла: ведь прошло больше двух лет. Нужно было что-то надёжнее, но всё оружие унесли люди Краста, а то, что осталось, включая пистолет, который стащил Сван, теперь под замком у Кристиана. Табельное носил только Руно и не расставался со своими убийными пистолетами даже сейчас, отдыхая в западном крыле. Перелом его сильно подкосил, сделав почти бесполезным, в том смысле, что немобильным. Гейба всегда удивляло: зачем магниту огнестрельное? Ему же достаточно кусочка металла. Стволы нужны тем, у кого нет опасных талантов.

По центральной лестнице спустился Верн с двумя пухлыми чемоданами. Кого-то выпроваживали на ночь глядя. Гейб включил звук.

— Неси в машину. — Кристиан махнул свободной рукой, не убирая телефон от уха.

— Может, это... отвезти их в аэропорт? — участливо предложил Верн. — Мне не сложно.

— Неси чемоданы в машину и иди спать, — велел начальник, прикрыв ладонью трубку и вернулся к разговору. — Нет, это мне не подходит. Давай поищем ещё.

Гейб постукивал пальцами по столу. Что-то происходило, оставалось понять, что.

Следом по ступеням сбежала Аннабель в строгом сером платье до колен, с кружевным воротником, отчего казалась школьницей, а не начинающей светской львицей. В руках она держала лёгкий английский плащ и шёлковый шарф.

— Я попрошу дядю Осфальда прислать вам охрану, — сообщила она с раздутым чувством собственного достоинства.

Кристиан кивнул, возможно, не расслышав.

На балконе показался учитель Фейст, посмотрел на гостиную и неторопливо спустился, держась за перила. Выглядел он более недовольным, чем обычно, но ярче читались усталость и скорбь.

— Ты для начала убедись, что он не поселит их в одном из своих борделей! — проворчал он скрипучим голосом

— Сейчас даже в борделе безопаснее, чем здесь. — Кристиан закатил глаза и убрал телефон. — У вас есть идеи получше? Нет? Тогда избавьте меня от критики!

Тут подоспел Фор, ведя за руку младшего Тарсиза.

— Крис хочет сказать, что делает всё возможное. — Телепат говорил спокойно, примирительно. — Господин Драгош прислал людей. Ваши племянники под защитой СБО, а ваша сестра...

— Терпеть не может Драгоша! — перебил его Фейст, но быстро остыл. — Но лучше Драгош, чем сволочи Мирмина. По крайней мере, они не заодно. — Он повернулся к племяннице и легонько щёлкнул её по носу. — Будь умницей. Должен же в нашей семье кто-то быть разумным.

Аннабель улыбнулась, убрала за ухо прядь длинных тёмных волос и крепко обняла дядюшку. К ним тут же присоединился Дольф, всё ещё тихий, но уже улыбающийся.

— Фор, проводи гостей к машине, мы догоним, — распорядился Кристиан.

Оставшись наедине, учитель и секретарь обменялись долгими взглядами. Гейбу стало не по себе, будто он подглядывал за чем-то личным, но стоило ему потянуться к мышке, как Кристиан заговорил:

— Простите. Я должен был сказать вам лично, но забыл. Так себе оправдание.

Фейст поморщился и махнул рукой.

— Что Лорквелор?

— Советует рассказать обо всём Донэту, — с неохотой ответил Кристиан. — Но мы так не поступим.

— Из-за Фора?

— СБО его в живых не оставит. Рикарт, я не намерен терять кого-то ещё.

— Не смотри на меня так, будто я не согласен! Они все у меня на глазах росли!

— Я злюсь не на вас, а на себя, — пояснил Кристиан и обречённо посмотрел на засветившийся экран телефона. — Прошу меня извинить.

Фейст хмыкнул и произнёс:

— Сейчас не время искать виноватых...

Гейб выключил звук и снял наушники.

Теперь у него не осталось сомнений. Филипп Оуэл должен был умереть. Только так можно помочь остальным и отомстить за Рина, и сделать это нужно сейчас, пока не нагрянули враги, пока все заняты проводами, пока он один в охране, и никто не придёт, лишь бы его не

видеть. Подходящий момент, чтобы раздобыть оружие и уйти в самоволку. Поставить точку. Взять ответственность за себя и других.

***

Машина стояла на лесной дороге, притаившись в темноте там, куда свет редких фонарей почти не проникал. Чтобы заметить засаду на обочине, нужно было сильно постараться, но ещё сложнее было сдерживаться, чтобы не начать убивать собравшихся в салоне людей.

— Ну а на третий раз она ему эту бутылку о башку и разбила, — рассказывал очередную мерзкую историю Квин.

— А он чего? — спросил с интересом слушавший его водитель.

— Да ничего. Пристрелил суку, и дело с концом.

И так длилось около часа. Бесконечные гнусные подробности о бандитах и шлюхах. Алан не отрицал, что и сам был психопатом-убийцей, человеком отнюдь не лучшего сорта и не самой прекрасной души, но никогда не делился кровавыми подвигами и уж подавно не гордился ими. Чужие преступления его не вдохновляли, а, напротив, вызывали желание заткнуть болтливую глотку любым негуманным способом. Однако Квин не понимал ни намёков, ни прямого отказа, и без малейшего опасения приставал с расспросами к прилесскому маньяку, словно к знаменитости.

Этот тип не внушал доверия. Псионик и менталист с высоким... пси-резистом? Алан не разбирался в терминах, но не позволил ткнуть в себя устройством, определяющим этот самый «резист». Он знал: показатель у него настолько высок, что вызовет нездоровый интерес. К тому же он был телепатом и гипноза не опасался, а до внушения, каким обладали Тед или Филипп, этому ничтожеству далеко.

Наёмник вызывал отвращение: дёрганный, наглый, весь на понтах, и пси-способность такая же мерзкая — он повергал людей в панику или вызывал аффект. Другие хотя притворялись нормальными, а этот прямо-таки гордился тем, какой он неуравновешенный псих. Думал, что так его станут бояться. За агрессией скрывались злоба и зависть. Пустой человек, совершенно никчёмный! Но Филиппу, видимо, нужны были охотничьи псы, а не партнёры. Последним не внушают по три раза на дню быть послушными.

Рядом с Аланом сидел молчаливый здоровяк, тоже псионик. Этот силой мысли менял состав собственной крови, например, провоцировал всплеск адреналина, становясь быстрее и сильнее, словно без этого не мог гнуть арматуру своими ручищами! Квин дразнил его Ростбифом, а водитель называл просто Бифом.

Третий, за рулём, ничего эдакого не умел, зато был менталистом. Откликнулся на имя Джейк и больше походил на уставшего алкоголика, чем на бандита.

Все они были наёмными убийцами — в них почти ничего не осталось от нормальных людей, даже имён не было, только позывные, сильно смахивавшие на клички.

Несмотря на то, что особняк Ланд-Кайзера остался без охраны, пойти и убить всех посреди ночи Филипп не разрешил. Сказал, что потом не сможет объяснить это начальству. Личная месть хороша, но нельзя из-за неё лишать мести других, раскрыв карты слишком рано. Впрочем, он не возражал, если где-нибудь в лесу появятся обезображенные трупы. Алан уже сто раз пожалел, что ввязался во всё это. Проще действовать одному и побереечь нервы.

Детальями с ним не делились. Сказали сидеть и ждать, а если понадобится, действовать по обстоятельствам. Квин не выдержал первым и бросился звонить боссу.

— Фил, нам опять всю ночь здесь торчать?! — возмутился он, стоило гудкам оборваться.

— Да, если таков приказ. — Голос Филиппа был холоден. — Сегодня особый случай. Не подведите меня, как в прошлый раз.

Квин скривился, убрал телефон, подвигал челюстью, а потом покосился на водителя.

— Он нас этой Австрией до гроба попрекать будет!

— Есть за что, — усмехнулся Джейк. Судя по ощущениям, он не участвовал в той истории и именно поэтому имел на её счёт личное мнение.

— Да пошёл ты! — огрызнулся Квин. — Ладно, ждём до утра. Кто-нибудь обязательно высунется.

Алан давно догадался, что они поджидают кого-то конкретного. «Крысы побегут с тонущего корабля», — пояснял Филипп. Крысы так крысы.

— Что-то не нравится мне эта затея, — признался Джейк. — Рановато впутывать Драгоша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.